

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩІЙ
— ДУХ СОЗДАЮЩІЙ

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

Содержание:

На Американской Шипке.
Письма о пережитом
Государство пролетарское
Доклад Анархическому Кон-
грессу делегата Ан. Комм.
групп Соед. Штатов и Канады.
Большевизм, Револ. Синдика-

лизм и Анархизм.

Судьба Анархистов в России.

День рабочей печати.

Геройство германского прав.

К вопросу об экспроприации

Отчеты и заявления.

Приход по "В." от 1-го Мая по 1-ое Июня 1922 г.		ФОНД АНАРХИСТАМ.		ОБЩИЙ ПРИХОД.	
Приход:		Приход:		По "Волне"	— — 344.25
Иорук, Фолл.	— — 2.50	Л. Сатиров	— — 5.00	Фонд Анарх.	— — 68.07
Гор-то, К.	— — 24.90	Роч-ер	— — 30.00	По литературе	— — 39.05
" " Фонд "В."	15.10	Бахтин	— — 7.00	За "В. Г." и ф. "В. Г."	— — 51.20
Пас-к	— — 2.70	Ели-ет	— — 26.07	и "F. S."	— — 51.20
Фил-ил г. № 1	— 3.00	Итого	— 68.07	Общий приход за май	— 502.57
" " г. № 2	— 5.80	Ввруч. за литературу и фонд.	— 15.00	В кас. на 1 мая остав.	443.34
Шен-ор	— — 10.50	"Амер. Изв." за	— 15.00	Итого	— 945.91
Л. Анж-ле	— — 3.50	Чик-го за	— 15.00	Расх. с 1-го Мая по 1 Июня.	
Кит-ер, К.	— — 6.00	Гамиль-н за	— 9.05	Печ. и набор и маш.	— 160.00
Грин-т	— — 2.70	Итого	— 39.05	Высылка в Германию	— 50.00
Дет-т	— — 10.25	Доб. фонд за "F. S." и "В. Г."		Перес. денег в Герм.	— 2.50
С. Ефре-ов в Ф. "В."	— 15.00	и выручка за "В. Гр."		Выдано взаимообр. т. по изд.	
Лонд-он К.	— — 1.00	Дет-т г. № 1 фонд "F S"	7.50	кн. "Ум. Об и Ан."	— 50.00
Дет-т г. № 1	— — 6.00	Ну-рк за "В. Г."	11.75	Клише Л. Черного	— 4.75
Леон-ук в Ф. "В."	— 4.00	Дет-т " "	— 2.00	Клише Кар.	— 6.00
Вост-н	— — 2.70	Фил-ия "В. Г."	— 2.20	Упл. за экс. по воз. "В"	1.60
Ит. Фол.	— — 2.25	С. Бет-ем	— 2.00	Упл. за кн. В.Ф. Револ.	35.00
Чик-го	— — 6.50	Реч-ер фонд "В. Г."	10.00	Пересыл "В." в Берис.	— 1.66
Пас-к	— — 1.50	Н. Гей-н за "В. Г."	— 1.90	Рассылка по Амер.	— 19.46
Грин-нт	— — 2.25	Дет-т г. № 1 фонд "В. Г"	6.00	Выдано на пер. литер.	— 5.00
Роч-ер Фонд "В."	— 10.00	Бал-ре за "В. Г."	— 1.35	Пересыл. в Польш.	— 2.08
Клив-д	— — 122.00	И. Фол.	— — 2.10	Перев. мет.	— 1.00
Аргент. тажкер. С. Р. Раб.	20.00	Дет-т за "В. Г."	— 0.75	Письм. бум.	— 0.60
Ф Р. Р. О. Ю. Ам.	— 6.80	Чес-ер " "	— 0.90	Поч. ящик	— 2.00
Нау-к	— — 8.10	Лин. Арб.	— — 0.45	Разм. ден. перевод.	— 1.50
Мад-он Ил.	— — 10.00	Пас-к	— — 0.60	Выд. на дор. в Чес. Агит.	5.00
Вот-ры	— — 8.25	Фил-ия г. № 1	— — 0.75	Международные марки	— 4.07
Гам-он	— — 12.85	Шен-ор	— — 0.75	Общий расход	— 352.22
Ф. Крав-ке	— — 1.90	Лонд-н К.	— — 0.40	Общий приход	— 945.91
Н. И-рк	— — 16.15	Итого за "В. Г." и ф. "В Г."	51.20	Общий расход	— 352.22
Итого	— 344.25	и "F. S."		В касе на 1-ое Июня	593.69

НА АМЕРИКАНСКОЙ ШИПКЕ.

Если голод в разоренной, обнищавшей стране, как, например Австрия или Россия, признается явлением вполне естественным, с чем мы далеко не согласны, т. к. причины голода — разорительная политика этих стран — совсем не естественны, зато голод в Америке, богатейшей в мире стране, кажется и невероятным и удивительным. Да и в самом деле, Америка, нажившая на человеческой бойне колоссальные барыши, хвастающая своей "демократией", как большевики "социализмом", и кичащаяся своими золотыми мешками, — вдруг испытывает голод! И странно и смешно. Но ведь голод — не смех и не тетка, это — глубокая трагедия, ибо голодают не те, которые перекачивали из Европы золото и набивали ими свои бездонные карманы, не те, которые на крови и трупах павших на поле брани наживали миллионы и участвовали в дележе награбленной добычи, а те, кто проливал свою кровь, кто выброшен за ворота фабрики и не имеет своего угла — безработные — вот кто голодает в Америка. И голодают в Америке не десятки и не сотни, а целые миллионы. Точь в точь как в России с той лишь разницею, что там цифра голодающих покрупнее и правительство социалистическое, а здесь демократическое. Однако оба они друг друга стоят.

По последним официальным данным Вашингтона количество безработных в Америке остановилось на 3,800,000. Но как известно, официальные данные всегда консервативны и далеко не точны, поэтому не будет ошибкой, если цифру безработных в Америке определить 5.000 000 человек. Но и 3,8 миллиона — цифра довольно крупная, внушительная.

Что безработные в Америке голодают, в этом нет никаких сомнений. Во-первых, безработица длится уже долгие месяцы и пролетарий, не владеющий никакой собственностью и, следовательно, не имеющий никаких источников дохода, кроме своих рабочих рук, ни сбережений на черный день, потому что вы-

нужден работать за бесценок на своего хозяина, который не особенно щедро раскопелывается перед своими наемными рабами, — принужден голодать. Во-вторых, очевидность голода в Америке доказывается участвовавшими случаями самоубийств на почве недоедания, робким, не смелым протягиванием руки на улице непривычного к позорной профессии человека, усилившейся проституцией и т. п. явлениями. Хваленая, пресловутая "просперити" канула в вечность и американский рабочий лицом к лицу очутился к голодной смерти в то время, когда всего имеется вдоволь в складах, магазинах и лавках.

В американском голоде значительную роль сыграла кровавая европейская бойня. Американским банкирам недостаточно было загребать барыши на деланьи амуниции для Европы, им хотелось участвовать также и в дележе добычи. И вашингтонское правительство, возглавляемое империалистической кликой, не заставило себя долго ждать: когда стало очевидно, что чашка весов склоняется на сторону Антанты, а не центральной коалиции с Германией во главе, оно, объявляя войну Германии бросило американского рабочего на с'едение пушек и пулеметов. Последствия войны, кажется, ясны всем и каждому: миллионы безработных, калек, инвалидов и горы трупов на полях Европы, на которых растут тучные травы и хлеба, и параллельно с сим хамское торжество буржуазии, торжество Пирровой победы.

На пролетарской ниве чахло и жестко. Ряды сильно поредели. А тяжелое бремя гнета и эксплуатации стало еще тяжелее и безотраднее. Удушье в тисках капитализма тем трагичнее, что на русскую революцию, в которую пролетарий так верил, рухнули всякие надежды. "Единственная, Социалистическая Советская Республика" превратилась в страшный застенек для революционеров-рабочих, в ужасный анахронизм. Россия, доставшаяся по наследству от Николая Кровавого, — Николаю же Кро-

навому III.—потеряла даже тень свободы. Там ныне свирепствует Иуда — Каин сверху и его подручный, заплочных дел мастер, Хам—Палач внизу. Ленин, Троцкий и Ко., потопив в крови русскую революцию, теперь распродают ее оптом и в розницу. Опыненные невинной кровью рабочих и крестьян,—они настолько ошалели, так зверски — омерзительно расправляются с лучшими революционерами-анархистами, что вообразить себе трудно. Средневековые бледнеет перед ужасами большевистской челяди. И не скрывая больше своей наглости и лицемерия, они не "разменянных", по великой милости своей, депортируют за границу. Вот результаты Великой Русской Революции. На что еще должен надеяться пролетариат?

Большевики ныне торгуют всем: не только Россией, ее природными богатствами, давая концессии иностранным капиталистам на земли, рудники, железные дороги и отдавая рабочих на эксплуатацию этих хищников, по совести, принципами, убеждением и кровью рабочих и крестьян. Так как собравшиеся в Генуе денежные мешки и дипломаты указали большевикам определенную линию поведения, последние, возвратившись из Генуи в свою вотчину, не замедлили проявить свое холопское рыцарство: декретом 24 мая они объявляют священным право частной собственности. То, что большевики с таким усердием и так рьяно выполняют всякую блажь интернационального капитала, лишний раз подчеркивает их палаческую, антиреволюционную деятельность.

Уж на что американский рабочий кажется недалеким и не особенно разборчив в политическом отношении, но и он, наконец, понял, что теперь представляет собою русская революция. Об этом свидетельствует резолюция конвенции Интернационального Союза Дамских портных. Вот она:

...."Принимая во внимание, что в тюрьмах России все еще находится много политических заключенных, что там часть рабочего и социалистического движения подавляется, вожди его арестовываются, а члены терроризируются, что печать этой части рабочего дви-

жения закрыта, а деятельность их объявлена вне закона после того, как давно миновала опасность извне, и в то время, когда необходима единодушная поддержка всего рабочего движения в России и вне ее для успеха русской революции, что все это создает положение, при котором затрудняется работа социалистического и рабочего движения в каждой стране в пользу амнистии для своих политических заключенных и признания России, поэтому ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ ДАМСКИХ ПОРТНЫХ, на своей конвенции решил:Во имя своей долгой преданности русской революции, во имя тысяч своих членов, которых дало русское революционное движение, во имя надежды и воодушевления, вызванных у нас совершением революции, мы призываем русское советское правительство немедленно восстановить свободу печати и союзов, освободить всех женщин и мужчин, заключенных за свои убеждения и политическую деятельность, и гарантировать гласное и беспристрастное разбирательство для тех политических заключенных, дело которых теперь будет разбираться московским судом".

Для поверхностного взгляда кажется, что американское рабочее движение застыло на мертвой точке, если смотреть на него с внешней стороны. Но это далеко не так. Правда, внешняя сторона, хотя и служит показателем его активности, революционности и неразрывно связана с его внутренним содержанием, однако, не может быть принимаема за нечто неизблемое, абсолютное, неизменное. Само собой понятно, что внешние проявления зависят от волевого решения. поэтому и оценка его качеств важна постольку, поскольку она правдива, реалистична и соответствует жизненным началам.

Нет сомнения, что американскому рабочему движению нехватает еще много положительных черт. Так, например, юнионы гомперсовского толка слишком бюрократичны, их чиновники нередко—взяточники и доступ в эти юнионы весьма труден. Зато И. Р. М. представляют в американском рабочем движении более революционную часть пролетариата. Однако, во всей совокупности американское рабочее движение не представляет боевой, компактной силы. Распыленность и хаотичность бросаются в

глаза, хотя
союз, ка
Вероят
рактера
гда в бур
бенка, при
абсолютно
сосредоточ
Быть мож
сильно в
сделаться
вая о т
чами, то
выростан
льшинств
тивны и
звенты: и
лидарност
ной борьб
восприним
ефно выст
распыленн
Воинств
имеет св
Иные из
ти своего
охватывая
которых
Казалось
трудящихся
платанин
сплотить
доленных
одним м
рабством.
распростр
пугатируе
го. Это,
плохо вос
странител
бы повес
сильные
средства
белл, бо
ложение
задавать

глаза, хотя при наличии обильного числа союзов, казалось бы этого не должно быть.

Вероятно, это зависит от склада ума и характера американца, от его воспитания, когда в буржуазных школах калечат душу ребенка, приучая его верить в доллар, как нечто абсолютное и совершенное, на котором должны сосредоточиться все его помыслы и энергия. Быть может, потому многие американцы так сильно верят во внезапную личную фортуна—сделаться богачем по-щучьему велению, забывая о том, что если все вдруг станут богачами, то бедняков не станет. А ведь богачи вырастают на горбах бедняков. Потому-то большинство американцев не столько консервативны и отсталы, сколько и социально не развиты: идея освобождения—общей силой. Солидарностью и спаянностью достичь в неуклонной борьбе с эксплуататорами полной победы, воспринимаются ими весьма туго. Зато рельефно выступает разрозненность, хаотичность и распыленность.

Возникающие в человеческом обществе идеи имеют своей целью интересы человечества. Иные из них, не встречая препятствия на пути своего развития, быстро распространяются, охватывая тот или иной круг людей, интересы которых едины, родственны, сходны, близки. Казалось бы, что и идея полного освобождения трудящихся из под капитализма, из сетей эксплуатации и гнета, идея анархизма должна сплотить всех трудящихся, угнетенных, обездоленных, обремененных и обиженных, чтобы одним мощным напором покончить с вековым рабством. На самом деле идея освобождения распространяется между этими наемными эксплуатируемыми рабами слишком медленно, туго. Это, во-первых, потому, что американцы плохо восприимчивы, во-вторых, у нее распространителей нет достаточно средств и сил, чтобы повести ее в широком масштабе, в-третьих, сильные мира сего, имея в руках свои все средства и орудия угнетения и боясь своей гибели, боясь потерять привилегированное положение господства, всеми силами стараются задавить это здоровое движение, преследуя и

карая непокорных рабов. Но идеи на штык не выловишь; штыком можно оградить себя до поры до времени, но на штыке усидеть нельзя. Под дружным напором рушатся крепкие стены, рухнет и гнилой остов государства.

Каждый логически мыслящий пролетарий в конце концов придет к выводу, что повседневная борьба не от него зависит, что он находится во власти враждебных сил и ради спасения себя от угнетающих его сил, ради свободы и прав на человеческое существование,—ему по неволе приходится бороться с сидящим на вершине господином и давящим его железными тисками. Раз это сознает он, то логическая последовательность приведет его к познанию идеи анархизма, осуществление которой даст возможность всякому индивидууму жить свободной, независимой от хозяина эксплуататора, счастливой жизнью. Идея анархизма в пролетарской среде Америки развита слабо, благодаря указанным выше причинам и усиленным правительственными репрессиями, но она все-таки существует, крепнет и ширится, хотя и медленно, но уверенно. Повседневная и повсеместная борьба трудящихся с капиталом и его приспешницей властью с каждым днем приближает нас к анархизму.

Освободительная классовая борьба идет безостановочно, непрерывно. Она имеет свои фазы, периоды и эпохи: то медленно и тихо, исподволь, как бы незаметно идет она, то дает смелые прыжки, решительные порывы вперед и ввысь. Не проходит дня, чтобы на классовом фронте борьбы чего-нибудь не случилось, не произошло. И каждый день приближает нас к роковой для капитализма и его прислужников развязке. Само собой разумеется, что эта упорная классовая борьба не проходит бесследно, она оставляет исторический след, который не лишен ни торжества победы, ни бурного энергического подъема.

Происходящие в нынешнем году съезды американских рабочих союзов ничем не отличаются от предыдущих. Они носят местный характер и проходят в сфере внутреннего влияния и захвата чиновнических, хорошо опла-

Стр. 6

чиваемых, мест. Таким образом, в общей сложности американское рабочее движение не стоит на должной высоте, оно сильно хромает, ибо не носит революционного характера.

Ряд забастовок, однако, в текстильном, строительном, мясном и других промыслах и производствах, забастовка шахтеров, охватившая почти 700.000 рабочих и перешедшая почти во всеобщую стачку угольного промысла, указывает на тот неоспоримый факт, что на американской Шипке не все спокойно. Не-

чего и говорить о том, что борьба эта носит классовый характер и что владельцы промышленных предприятий жестоко расправляются с забастовщиками. Пусть борьба неравная, но она не прекратится, она будет вестись до тех пор, пока не восторжествуют начала Свободы, Равенства и Братства. И не только в Америке, но и на всей залитой слезами и человеческой кровью земле.

Слава погибшим борцам! Да здравствует борьба за полное освобождение!

ПИСЬМА О ПЕРЕЖИТОМ.

Письмо третье.

Об экономическом положении России.
Волин.

Об экономическом положении нынешней России—одном из самых больных нервов современной "международной политики"—говорится и пишется сейчас очень много. Газеты всех стран и всех направлений, солидные журналы, специальные работы рассматривают и обсуждают это положение со всех сторон и точек зрения. Кто только не считает себя компетентным в вопросе! Государственные деятели, болтуны и политики, экономисты и ученые специалисты, журналисты, "собственные корреспонденты", передовики, фельетонисты, простые репортеры и, наконец, простые обыватели—сообщают и докладывают, толкуют и рассуждают, изучают и гадают, спорят, пророчествуют и.. "спасают"... Испысываются бесконечные кипы бумаги. Нагромождаются колоссальные количества фактов и цифр—верных и неверных, последовательных и случайных, характерных и ничего не означающих.

К несчастью, из всей этой, уже огромной, груды материала чрезвычайно трудно составить себе сколько-нибудь отчетливую общую картину хозяйственного состояния страны и сделать теперь же какой-либо ясный общий вывод. Настолько этот материал хаотичен и противоречив. Настолько умелого обращения с со-

бой он требует.

Правда, многие относятся к фактам и цифрам весьма легкомысленно, полагая, что те и другие уже сами по себе достаточно красноречивы и убедительны, что ими все очень просто разрешается и объясняется. Таких итговерных нетрудно десятком данных убедить в чем угодно...

Подобное представление о роли фактов и цифр, конечно, глубоко неверно. Его ошибочность как-раз великолепно подчеркивается противоречивейшим хаосом фактов и цифр из жизни современной России.

Не говоря уже о просто неверных данных, которые имеются всегда в изрядном количестве,—важно принять во внимание еще и другую, более сложную сторону дела.

Во-первых, далеко не все факты действительно характерны и показательны. Чтобы строить из фактов более или менее правильные выводы, надо уметь отличать и учитывать факты действительно основные, связанные с существом вещей.

Во-вторых, надо уметь в самых этих фактах находить и выделять характерные стороны, отражающие именно эту сущность вещей.

В-третьих, надо всегда помнить, что за са-

мыми по себе фактами, а также фактами, которые являются отдельными, или понятыми, или...

Лишь значительных фактов, или их основных, или их истинных, или их правых, или их хороших, или их плохих, или их...

Еще хуже, по себе—цифры, или их можно, или их научное, или их цифр, или их симметрии между, или могло бы, или...

Итак, сами по себе, или нам ничего, или подходить к, или то, или модные, или проса.

Но не следу, или к современ, или хаотической, или методами, или дан, или политической, или...

Увы, эти мо, или общественные, или старушка истори, или, чтобы служ, или делыми помо, или...

Статистика, или вспомогательны, или к определенно, или риаду. Она бес, или чальных и, при, или полноты. Она б, или хаотическими, или...

Политическ, или две политическ, или яко-бы "научн, или ный и шало, или ческую эконом, или капиталистичес

мими по себе фактами кроются приведшие к ним причины, без тщательного выяснения которых факты или представляются мало говорящими, отдельными эпизодами и остаются непонятными, или же понимаются неверно.

Лишь значительная сумма характерных, основных фактов, и лишь в связи с объясняющими их основными же причинами, может осветит нам истинную сущность вещей и привести нас к правильным заключениям.

Еще хуже обстоит дело с цифрами. Сами по себе—цифры не говорят решительно ничего. Ими можно играть как угодно. Лишь умелое научное исследование и сопоставление цифр, лишь выяснение внутренней взаимозависимости между различными цифровыми данными могло бы помочь нам прийти к верным выводам.

Итак, сами по себе факты и цифры не дают нам ничего окончательного. Их можно преподносить и толковать по-любому. Их нагромождение несколько не помогает выяснению вопроса.

Но не следует ли нам, в самом деле, подойти к современной русской экономике и к хаотической груде фактов и цифр, вооружившись методами и данными соответственных наук—политической экономии, статистики?..

Увы, эти молодые науки,—как и все науки общественные (тоже юная социология и даже старушка история),—слишком еще несовершенны, чтобы служить нам, в данном случае, надежными помощниками.

Статистика может оказаться не дурным вспомогательным средством лишь в приложении к определенному и точному цифровому материалу. Она беспомощна перед лицом цифр случайных и, при всем их количестве, далеких от полноты. Она бессильна справиться с цифрами хаотическими и противоречивыми.

Политическая экономия... Мы знаем ныне две политических экономии, две схемы, два—яко-бы "научных"—шаблона: шаблон буржуазный и шаблон "социалистический"; политическую экономию патентованных защитников капиталистической системы и политическую эко-

номию Маркса, с ее позднейшими толкованиями, дополнениями и поправками.

С которым же из этих двух шаблонов можно подойти к нынешнему хозяйству России,—хозяйству которое не является ни капиталистическим, ни социалистическим, ни, хотя бы, переходным от первого ко второму,—т. е. вовсе не является хозяйством в истинном смысле слова? к хозяйству, в котором не имеется ни частно-или государственно-предпринимательского, ни общественного экономического процесса,—т. е. не имеется, вообще, никакого экономического процесса?

Которую из двух схем можно применить к ознакомлению с экономикой, в которой нет ни так или иначе организованного или организующегося сельского хозяйства, ни процесса развития промышленности, ни правильных или как-нибудь налаживающихся взаимоотношений между тем и другим,—т. е. которая вовсе и не является определенной или, хотя бы, переходной экономикой?

Методами какой политической экономии или иной современной общественной науки можно оперировать в отношении страны, где нет—и не намечается—ни сколько-нибудь определенной организации производства и труда, ни правильной денежной или какой-либо иной системы обмена, ни закономерного распределения? где нет, в сущности, ни финансов, ни кредита, ни торговли, но существует купля-продажа на совершенно фантастических основаниях ресторанной спекуляции? где нет, собственно, ни торговой, ни промышленной буржуазии, но имеется своеобразное сословие хищнического купечества? где, по неоднократно заявлению Ленина, нет подлинного пролетариата, т. е. производителя? где, согласно недавним признаниям самих советских экономистов, разыгрывается единственный в своем роде "кризис потребителя"? где миллионы гибнут от эпидемии и умирают в корчах голода—в то самое время, когда тысячи живут на живой и прожигают жизнь? где все кружится в невообразимом хаосе, где все случайно, неопределенно, неустой-

чиво, неумовимо—словно мир до первого дня творения?..

Какая же современная политическая экономия или иная наука в состоянии справиться с такой картиной и дать ключ к ее пониманию?

Такой политической экономии мы не знаем. Такой науки—не ведаем. Единственное, что могла бы сделать современная наука (и что не трудно сделать и без нее), это—все же, определить данное положение вещей, как, вообще, переходное. Разумеется, это значило бы не сказать, в сущности, равно ничего, так как вопрос вовсе не в констатировании ясной для всех "переходности" положения, но именно в выяснении характера и сущности этого "перехода". Выяснить же этот характер, эту сущность—наука, в данном случае, как-раз и не в состоянии...

Итак, современные научные методы столь же бессильны помочь нам уразуметь сущность экономического состояния нынешней России, сколь и сами по себе противоречивые факты и цифры. И, опять-таки, противоречивость и хаотичность взглядов и выводов различных экономистов в отношении русской экономики как нельзя лучше подчеркивают это бессилие.

В особенно затруднительном положении относительно правильного понимания русской экономической действительности находятся как-раз те, кому необходимее всего ее понять: рабочие массы за-границей. Доверять фактам, цифрам и выводам анти-коммунистической печати они, конечно, не могут. Но не слишком верят они и данным коммунистической прессы, инстинктивно—и на почве нагнетанных крупных фактов—чувствуя, что и здесь нет истины. Где же и как им найти эту истину? Где искать выводов, которым они могли бы доверять?.. Заниматься самостоятельными изысканиями они не имеют возможности. И они не находят ответа. В результате, их представления о хозяйственной действительности нынешней России oscillируются или неверными, или смутными.

Как же быть? Неужели отказаться от задачи? Неужели так-таки и нет явлений, которые бросали бы на эту действительность опре-

самую сущность вещей и притти к отчетливым общим выводам?

Конечно, такие явления есть. Они у нас под-рукой. Мы нащупали их.

Сам безнадежный хаос, само противоречие фактов и выводов, самое бессилие научного метода равно как явления, на которых это бессилие основано и которые нами оттенены выше,—все это в целом (а также в связи с тем обстоятельством, что все факты и цифры, откуда бы они ни исходили,—даже из коммунистического лагеря,—и как бы хаотичны они ни были, сходятся все же, на одном—на признании хозяйственного разорения России),—все это вместе взятое и служит главным ключом к разрешению задачи. А все то, что мне пришлось лично видеть и пережить в России, с своей стороны подтверждает верность ключа.

Этот ключ приводит нас к определенному выводу: сущностью современного экономического положения России,—той сущностью, о которой молчат газеты, солидные журналы и специальные работы, но о которой поистине красноречиво свидетельствует весь хаос фактов, цифр, выводов и гаданий,—этой сущностью является полное, всеуничтожающее крушение основ какой бы то ни было хозяйственной жизни в стране.

Я имею здесь в виду отнюдь не только само по себе данное конкретное хозяйственное разорение России, о котором только-что упомянуто, о котором пишут и говорят немало, и которое, само по себе, было бы в нашу эпоху вовсе еще не так важно и характерно. Россия разорена войной и революцией. Это разорение общеизвестно, ни в ком не возбуждает сомнений, и не в нем самом вопрос. Весь вопрос, опять-таки, именно в характере этого разорения, в его сущности и глубине, и в намечающихся выходах из него. Стремясь осветить именно эти существенные вопросы, мы и встречаемся с тем характерным хаосом данных и выводов, который приводит нас к собственному определенному выводу.

Я имею, таким образом, в виду нечто гораздо более существенное и важное, чем само

простое раз-
ное физиче-
ских бы-
тоев эконо-
том, что н-
сти, ни в-
ых масс-
не камн-
стическо-
иналисти-
стическо-

Ни п-
ни перех-
тоев в н-

Если

шей бурж-

частно-на-

где всего,

буржуазии,

шенные пр-

экономиче-

двигающий

ни такого

шей Росси-

стутствие сл-

ствия у р-

стических

Опыт н-

стическим"

питализма

абсолютно

впоследствии

Экономи-

ты так-наз-

"совбуржуа-

жатея на т-

сты "комму-

меры. Это

лопаронес-

революцион-

дневные м-

к какой а-

симулянтс-

*) "Сов-

простое разорение России. Я имею в виду **полное физическое и психологическое—разрушение** каних бы то ни было—старых или новых—устоев экономического быта вообще. Я говорю о том, что ни в реальной русской действительности, ни в психических представлениях трудящихся масс русского населения не остается больше камня на камне ни от частно-капиталистического, ни от государственного, ни от "социалистического" (государственно - коммунистического) хозяйственных начал.

Ни прежних или новых капиталистических, ни переходных, ни новых социалистических устоев в нынешней России не существует.

Если бы русская революция была революцией буржуазной, если бы в стране намечалась частно-капиталистическая устойчивость, то, прежде всего, имелся бы на-лицо мощный класс буржуазии, смело провозглашающий свои "священные права", активно берущий в свои руки экономические судьбы этой революции и продвигающий вперед ее экономические итоги. Но ни такого класса, ни такого процесса в нынешней России нет даже в зародыше, и их отсутствие служит лучшим доказательством отсутствия у русской революции частно-капиталистических хозяйственных основ.

Опыт насаждения в стране (под "коммунистическим" флагом) начал государственного капитализма потерпел полную неудачу, оказался абсолютно бесплодным (и, — как мы подчеркнем впоследствии, — вообще не может дать плода).

Экономически привилегированные элементы так-называемой "новой буржуазии" или "совбуржуазии" *), которые плодятся и множатся на теле политически господствующей касты "коммунистов", — временны, наносны, эфемерны. Это — пустые пузыри, вздувающиеся и лопающиеся на взбаламученной поверхности революционного болота. Это — бессильные однодневные мотыльки-паразиты, не способные ни к какой активной экономической роли. Такал спекулянтская "буржуазия" нынешнего дня",

*) "Советской буржуазии".

поднявшаяся, главным образом, на искусственных "бумажных" дрожжах, ни на что не пригодная и спешащая весело прожить свои быстро нажитые бумажные миллионы, не имеет, конечно, в хозяйственном отношении никакого сколько-нибудь серьезного значения. Недаром же русскому правительству приходится, для восстановления хозяйства, прибегать к новому виду "ввоза" в страну: к искусственному ввозу **заграничных капиталистов...** Впрочем, попользование пересадить на русскую почву, путем концессий и т. п., иностранную буржуазию и привить к бесплодному дереву нынешней русской экономики культуру заграничного капитализма — также не дает результата.

Если бы, наконец, русская революция была, по существу, революцией "социалистической" (государственно-коммунистической), то и эти новые устои непременно должны были бы выражаться в каком-то соответственном активном экономическом процессе. Никакого такого процесса нет и в помине. (Мы знаем, что его и вообще не может быть). Только-что упомянутая необходимость протягивать руки к заграничной буржуазии, идти на встречу аппетитам иностранных капиталистов, обивать их пороги и договариваться относительно их "ввоза" в страну, — доказывая новозможность собственной "капитализации", весьма показательна и в обратном отношении: она лучше всего доказывает отсутствие в стране и социалистических устоев. О "социалистических", о "коммунистических" началах в России не может быть и речи. Они решительно ни в чем не выражаются.

Итак, "дух разрушающий", пронесшийся над страной, был необычайно могуществен. Он смел без остатка все скрепы, которыми держалось старое хозяйственное здание и это здание рассыпалось в прах, вернулось к состоянию хаоса. Он выжег из самой психики трудящегося населения всякую возможность признания капиталистической организации общества, всякую возможность примирения с нею. И он сделал еще больше, он оказался еще могущественнее — этот дух. Продолжая действовать

Стр. 10

в стране, он разбил в мелкие дребезги также и попытку водворить новые, государственно-коммунистические устои хозяйства. Как и следовало (при нынешних условиях, в особенности, ожидать,—раз состоялось общее крушение самых основ капиталистической эксплуатации, то, в дальнейшем разрушительном процессе, неизбежно должны были рушиться и эти «новые», лже-освободительные и, главное, бесплодные устои. И, действительно, они рухнули — в данном случае необыкновенно быстро, не успев даже полностью проявить себя. Из психики населения оказалось выжженной всякая возможность признания и государственно-коммунистической идеи.

Не только хозяйство России разорено,—не в этом суть: сметены бесповоротно, уничтожены до тла все бывшие и намечавшиеся до сих пор основы и формы хозяйственной жизни вообще. Полное—физическое и моральное—крушение и капитализма, и государственно-социализма, крушение самой идеи капитализма, самой идеи государственно-социализма,—вот что характерно и существенно.

Но все сказанное выявляет лишь одну сторону дела.

Другая сторона состоит в том, что на месте разрушенных основ не имеется пока никаких иных. Доведя разрушительный экономический процесс до конца, революция, пока, не привела к осуществлению экономически-творческого процесса.

Полное отсутствие реального творческого результата; отсутствие построения действительно новых устоев и форм экономической жизни; поразительная — по крайней мере, внешняя—импотентность «духа созидającego», его—на первый взгляд безысходная—невоплощенность; не замененность потерпевших крушение идей какой-либо осуществленной иной идеей,—такова эта другая—едва ли не еще более характерная и существенная—сторона, о которой нам придется еще немало говорить впереди.

Русская революция, экономически, мятется между разрушенным ею капитализмом и разрушенным ею же государственно-социализмом—в пустоте и хаосе обломков того и другого; и не может, пока, выбраться из-под этих обломков. Вот что важно, прежде всего, понять.

Полное разрушение, и—никакого созидания. Голая, обгорелая земля, и—ни признака хотя бы начатой новой постройки на ней. Такова нынешняя картина экономического состояния России.

В уничтожающем вихре разрушения погибли и идолы старые, и фетиши новые; сгорело и то, что имелось, и то, что намечалось... И—пусто на пожарище...

Россия сейчас экономически—пустое, выгоревшее место, на котором даже все пни выкорчевали, и которое предстоит застраивать заново.

Россия—пустыня.

Россия—*tabula rasa* *), на которой предстоит начертать новые письмены. Так можно формулировать ее нынешнее экономическое положение.

Почему же не сказался в ней до сих пор «дух созидающий», почему не выявилось в ней живительное творчество? Имелись ли, хотя бы, проявления его? Если да, то какие именно, и почему они оказались безрезультатными? Можно ли еще что-нибудь начертать на этом песке пустыни, и что именно? Каковы в этом отношении дальнейшие перспективы, и не предстоит ли России, все же, простое восстановление капитализма?

Обо всем этом — в другой раз.

Апрель 1922 г.

Примечание:—Для краткости, я пишу всюду: «государственно - коммунистический», «государственно-социалистический». — Более правильным, (хотя и более тяжелым) было бы обозначение «государственно-коммунистический».

*) У древних римлян так называлась чистая деревянная дощечка, с которой было стерто прежде написанное.

коммунистический", "государственно-социалистический", — в отличие от особой теории так-называемого "государственного социализма". Как известно, различие между первым и вторым понятиями состоит в том, что первое (марксистское) понятие рассматривает государство лишь как более или менее временное орудие ком-

мунистической реорганизации общества, тогда как вторая идея имеет в виду прочную и постоянную организацию государственного социализма как такового. Разумеется, я, в данном случае, совершенно не касаюсь этой второй теории.

В.

ГОСУДАРСТВО ПРОЛЕТАРСКОЕ.

Себ. Фор.

Сторонники диктатуры пролетариата умудряются установить глубокую разницу и даже формальное противоречие между государством буржуазным и пролетарским.

"Государство буржуазное, говорят они, это — переход власти к классу капиталистов; конфискация им бюджета, администрации, вооруженной силы и закона; это совокупность общественных властей: законодательной, исполнительной и судебной в услужении капитала."

"Государство пролетарское, это власть рабочего класса, конфискация пролетариатом закона, бюджета, администрации и вооруженной силы; это совокупность законодательной, исполнительной и судебной власти в услужении труда."

Такое определение государства, буржуазного или пролетарского безусловно предполагает существование двух враждебных классов, из которых один организует государство и управление им в свою пользу и во вред другому.

Можно, конечно, приписать известные преимущества тому или иному виду этих двух государств и, если естественно, что капиталисты прокламируют превосходство государства буржуазного, плоды которого пожинаются ими, то не менее натурально то, что рекламирующие себя рабочими заявляют о совершенстве государства пролетарского, господами которого будут они.

Но эта точка зрения совершенно расходится с той идеей о социальной революции, которая развивается всеми синдикалистскими

школами. Последние признают, что революция должна положить конец классовой борьбе путем уничтожения класса паразитов и последовательного слияния двух современных классов в один класс рабочих, обнимающий полностью все население. Из этого следует, что эта замена буржуазного государства пролетарским не только ничего общего не имеет с социалистическим пониманием революции, тем более с анархистским, но является даже формальным противоречием им.

Кроме того, эта замена, представляющая собою в действительности лишь обмен ролями, сохранит если не полностью, то большую и худшую часть неизбежных дел современного государства.

Нужно ли еще подчеркнуть тот факт, что государство, в любой своей форме, по содержанию и существу своему является эксплуататором и притеснителем? Это очевидная истина и не может быть иначе.

* *

Государство не вообразимо и не может быть вообразено без закона. Последний не понятен и не может быть понят без силы.

С тех пор, как государство существует, какие формы оно бы не приняло и каким видоизменениям оно не подверглось бы, его видят постоянно, во времени и в пространстве, опирающимся на закон, устанавливающим правило, коему должны подброситься все те, на которых оно распространяет свою власть.

С тех пор, как законодательства основаны,

каковы бы не были принципы, на которых они покоятся, и изменения в них допущенные, их видит постоянно во времени и в пространстве, опирающимися на силу их санкционирующей и имеющей своим назначением карание любого восстающего против него.

Человек со здоровым духом не может представить себе государство без закона и силы. Первое безусловно вызывает последние. Государство без закона и силы являлось бы гипотезой чистейшего бреда. Что говорит государство, то же говорит закон; что говорит закон, то же говорит санкция; что говорит санкция, то же говорит сила; одно дополняет другое.

Следовательно, государство пролетарское, подобно буржуазному, будет иметь свой закон; этот закон — свою санкцию; эта санкция — свою силу. Пусть закон, введенный самими пролетариями, служит благу труда, против паразитизма, как, обыкновенно говорят; но закон все тот же.

Санкция, преследующая упорных буржуев и непокорных пролетариев, все же остается санкцией.

Сила в руках пролетариата направлена исключительно против несправимых буржуев и мятежных пролетариев (пусть так!), все та же сила.

Безошибочно государство пролетарское, вопреки этому изменению в этикетке, этому обмену ролями, останется тем же притеснителем.

Притеснение изменит свое поле действий. Угнетатели и угнетенные обменяются лишь позициями: буржуи, сегодня угнетающие других, завтра очутятся в лагере угнетенных; пролетарии, сегодня угнетенные, завтра сами станут угнетателями. (Анархисты завтра будут так же притеснены, как сегодня.) И это все.

Можно ли себе представить, что пролетариат, очутившись у власти избегнет безобразия, суеты, коррупции, властолюбия, лицемерия, низкие намерения и комбинации, постепенно насыщающие атмосферу, в которой живут власть имущие? Это было бы безумием. Такое допущение возможно лишь при полном незнании исторических наук и наглом отрицании самых

положительных данных наблюдений. Это было бы, пользуясь выражением, которым часто злоупотребляют противники анархизма, совершенное отсутствие "чувства реальности".

Итак, государство пролетарское или буржуазное, есть и должно быть притесняющим и следовательно: brutальным, деспотическим, жестоким, лживым, циническим.

* *

Государство эксплуатирует. Являясь по определению и сущности своей притеснителем, оно в то же время и эксплуататор.

Мое доказательство немного резко, но убедительно.

Я сказал и это неоспоримо, что государство немисливо без законодательства; законодательство — без санкции; санкция без силы.

Законодательство предполагает безусловное существование законодателя; ему необходимы: конгрессы, парламенты, советы, министерства, комитеты, общественные администрации, делегации, чиновничество, службы, бюро, негодные бумаги, архивы и всякого вида иерархии являющиеся как бы самопроизвольным и естественным явлением, вырастающим на почве закона.

Санкция — уважение и исполнение закона — предполагает существование целой ветви всякого рода трибуналов, начиная с обыкновенной полиции и кончая высшим кассационным судом.

Наконец, сила представляет собою значительный аппарат угнетения, который под именем милиции, жандармерии, исправительных отделов и армии бросается на каждого преступника, передает его судьбе, приговаривает его, запирает в тюрьму и, когда дело касается коллективного восстания, применяет массовые убийства.

Итак, законодатели, министры, чиновники, правлений и... неправлений, писари, синекюристи, магистраты, сидя, стоя, лежа и ничком, судебные приставы, регистраторы, шпионы, жандармы, деревенские стражники, тюремные надзиратели, солдаты, — их предостаточно, но оставаться навливаясь не буду — вот эта хищная,

низкая, паразитический навоз.

Но будем с одобрением проле в этом не слишком обильна, все-таки будет хватить в свои рового мношества чего не произведет Не выращивая все будет пожить Кто станет с не труд? С ко будут выжимать не с трудящихся чительное количество государства с те который будет сто Ясно государство азное ли, есть и татори.

Угнетатель, эконо ли его основы, ет такого государства Можно рассмат личных сторон, мо плоскости, возраж тить при обсужде могут отвлечь от

До Европейско Америка являлась "излишние" рабоч ра; но иммиграц внутренних губер 1900-х годов и о

низкая, паразитная масса порождает государственный навоз.

Но будем справедливы; допустим, что на удобрении пролетарского государства (хотя я в этом не слишком уверен) эта масса будет менее обильна, чем при буржуазном. Но она все-таки будет довольно значительна. Она захватит в свои ряды многочисленную часть здорového юношества в лучшей его стадии. Ничего не производя, она лишь будет потреблять. Не выращивая даже ни одного картофеля, она все будет пожирать.

Кто станет содержать этих паразитов, если не труд? С кого они, эти непроизводители, будут выжимать свои средства к жизни, если не с трудящихся масс? Не составит ли это значительное количество "питомцев" пролетарского государства с течением времени новый класс, который будет стоять над производителями?

Ясно государство, пролетарское ли, буржуазное ли, есть и не может не быть эксплуататором.

Угнетатель, эксплуататор, каковы бы не были его основы, его конституция, его форма— таково государство.

Можно рассматривать эту проблему с различных сторон, можно вращать ее в различные плоскости, возражать против нее, можно хитрить при обсуждении ее. Но никакие пути не могут отвлечь от этого заключения.

* *

Девизом синдикализма, если не ошибаюсь, является: благополучие и свобода.

Государство, как эксплуататор, противостоит благополучию рабочих: живя за счет производителей, оно тем самым уменьшает достояние последних. Как угнетатель, оно противостоит их свободе и держит их в своем подчинении.

Возможно, что в пролетарском государстве эксплуатация примет меньшие размеры, чем в буржуазном, так как у него "питомцев" всяких категорий, можно допустить, будет меньше и само содержание их менее разорительно. Но гнет в пролетарском государстве, если не более силен сам по себе, то он по крайней мере более мучительно чувствителен и, следовательно, более заметен, так как чем меньше нас сжимают клещи беспрестанной нужды и неуверенности в завтрашнем дне, тем сильнее жажда свободы и мучительнее притеснение.

Спрашивается: может ли синдикализм, точный объект, фундаментальное право существования и великое познание которого заключается в полном освобождении труда и трудящихся, принять то противоречие между пролетарским и буржуазным государством, которое стараются установить.

(Пер. с Фран. . С. Э.)

ДОКЛАД АНАРХИЧЕСКОМУ КОНГРЕССУ ДЕЛЕГАТА АН. КОММ. ГРУПП СОЕД. ШТАТОВ И КАНАДЫ.

A. C. Volgin.

До Европейской войны 1914—18 годов, Америка являлась страной, куда выкидывались "излишние" рабочие руки Европы и всего мира; но иммиграция коренного населения из внутренних губерний России началась лишь с 1900-х годов и особенно усилилась после по-

ражения революции 1905-го г., под натиском темной реакции самодержавия.

Стали попадать в Америку и, так называемые, политические, находившие себе убежище раньше в Швейцарии, Англии, Франции и других государствах Зап. Европы. Они заста-

Стр. 14

ют здесь значительный контингент разбросанной по всем промышленным центрам Америки русской колонии и принимаются за просветительную и организационную работу: появляются различного рода кружки, клубы, союзы и т. п.

Во второй половине 1907-го года выходит "прогрессивная" русская газета "Русский Голос" на Востоке, а на Западе вскоре появляется другая. Социал-Демократы издадут партийный орган "Новый Мир". Финансируются газеты бедно в виду недостатка в читателях. Большинство "политических" интеллигентов были знакомы с трудом рабочего только понаслышке, здесь же им, незнакомым с языком страны, пришлось стать вместе с рабочими у фабричного станка и практически ознакомиться с физическим трудом и жизнью рабочего. Начинается взаимное сближение: опрошение интеллигенции и потеря боязливого недоверия рабочего к "барину", каким до того времени являлся для него интеллигент. На политическом горизонте жизни русской колонии в Америке появляются и отдельные фигуры Анархистов, которые охотно идут в рабочие массы и организуют Союзы Русских Рабочих, которые носят более демократический характер, нежели отделы С.-Деков, с их отталкивающей мыслиащих рабочих казенщиной.

В Марте 1911 года, в Нью Йорке выходит первый номер анархического еженедельника, "Голос Труда", который встречает поддержку со стороны С. Р. Р. и нескольких беспартийных организаций. Вместе с изданием газеты развивается и организационная работа: растет число С. Р. Р., но, кроме духовной близости, у них нет еще никакой фактической связи. "Голос Труда" все более проявляет свои анархические тенденции и, естественно, переносит их "союзникам" (членам С. Р. Р.). Такого порядка работа продолжается до 1914-го года. Европейские политические осложнения и начавшаяся вскоре война пробуждают интерес русских рабочих масс к событиям дня и круг читателей газеты расширяется. С 4-го сент. "Г. Т." из еженедельника переходит в ежене-

дельное издание, которое принимает определенное анархо-синдикалистское направление. Избыток сил и большой круг читателей, а отчасти и фракционная рознь между передовыми товарищами выдвигает в августе 1916-го года еженедельник "Рабочая Мысль", почти всецело заполняемый тов. Карелиным, под разными именами. В Питсбурге начинает издаваться отколовшейся от "Г. Т." группой журнал "Восточная Заря", которая, за недостатком духовных, а также и материальных сил и средств, вскоре прекращает свое существование. С января 1917-го года выходит анти-религиозный еженедельник "Правда".

В среде русской колонии идет лихорадочная, кипучая пропаганда Анархических идей и организационная работа... Война затягивается и победа германского империализма над союзным империализмом порождает у американских капиталистов опасение нажить себе сильного соперника в лице Германии на мировом рынке. Капиталистическая пресса уже в 16-м году забила тревогу и начала бесстыдную кампанию за вмешательство Америки в Европейскую бойню. "Общественное мнение", возбужденное и направленное лгущей продажной прессой, в истерике патриотизма требует крови "извергов-гуннов", какими представляла немцев капиталистическая печать. Начинается подготовка: регистрация и вскоре военные выборы—рекрутчина. Члены С. Р. Р., воспитываемые в духе антимилитаризма, отказываются от регистрации и солдатчины, громко заявляя свой протест, чем и вызывают сильное озлобление правительства, которое выразилось в облавах и погромах на организации и аресте многих товарищей и присуждению их к тюремному заключению на срок от 5 до 15 лет. Революционность русской колонии и, в особенности, членов С. Р. Р., еще более повышается после Мартовской Революции и организации: социалистические и анархические буквально наводняются новыми членами, жаждущими услышать живое революционное слово, идти в ногу с рабочими России.

Но вскоре начинается массовый отъезд в

Россию, и возможность проезда за средства, предоставленные правительством Керенского, перебрасывает всю революционную интеллигенцию и революционных рабочих—всех политических—из Америки в Россию.

"Правда", после выпуска 4-х номеров прекращает свое существование; почти весь редакционный состав "Г. Т." ликвидирует издание в июне, и вместе с наборными машинами выезжает в Россию; в июне же выходит и последний, 11-ый ном. журнала "Рабочая Мысль".

Колония сильно ослаблена качественно и количественно. С. Р. Р. все же продолжают существовать и после Октябрьского переворота, да и в связи с закрытием границ вступившей в войну с Германией Америки, которое прекратило отъезд товарищей, сделав их пленниками Американского Капитализма,—снова ярко загорается революционная работа Союзов. Идеиные разногласия были временно забыты, и все, что было революционного в Америке, всецело стало за выставленные революцией лозунги: "Земля—крестьянам", "фабрики и заводы—рабочим", "Советы на местах" и т. п. Революция далеко опередила все партийные программы С. Д.—ов и С. Р.—ов, и выбила их из колен, и ее анархический характер в первое время—всецело соответствовал настроению и убеждениям членов С. Р. Р.

Появляется желание объединить всю русскую колонию Америки под флагом революции и по инициативе Социалистов созывается Первый Общеколонизальный Съезд 1-го Февраля 1918 г. На этом съезде преобладающую роль играли старые "гусары" социал-демократии (Новомирцы), которые и провели, не смотря на оппозицию "союзцев", узкие партийные резолюции. Стычки и ожесточенная борьба в Советах, которые стали организовываться колонией после Октябрьской Революции; разрыв между союзниками и большевиками, как стали называть себя здешние социалисты, на общеколонизальном съезде, породили вскоре сильное обострение с обеих сторон, и по мере развития российской революции пропасть между С. Р. Р. и большевиками делалась все шире и

глубже: первые левели, делаясь Анархистами, а вторые правели, становясь "коммунистами".

С. Р. Р., 6-го Января, 1918 г., созывает новый общеколонизальный съезд, бойкотируемый большевиками, на котором С. Р. Р. принимают за платформу своих организаций Анархические принципы: отрицание власти, частной собственности и религии—во всех их проявлениях. Вынесенные резолюции в таком духе, дали основу обвинениям С. Р. Р. правительством Соед. Штатов в "криминальной анархии" и преследованию их.

В Январе снова появляется анархический ежемесячник, "Набат", который по выходе 3-х номеров, благодаря преследованию правительства, закрывается, но на его месте в следующем месяце вырастает "Колокол", который также заперещается властями.

Вторая половина 18-го года проходит в каком-то недоумении: русские иммигранты бьются, как пойманная птица, в капиталистической тюрьме—Америке, протестуют против закрытия границ и, требуют пропуска, готовятся к отъезду; но правительство цепко держит чужеземных рабов, боясь создать недостаток в рабочей силе для своих хозяев—капиталистов на рынке Америки.

К началу 19-го года, увидев тщетность протестов, просьб и требований выезда, колония снова начинает устанавливать просветительную работу и прерванную преследованиями правительства революционную пропаганду. Члены С. Р. Р. остро ощущают недостаток в анархической прессе, а потому вскоре, 26-го Апреля появляется еженедельник "Хлеб и Воля", который с первого же номера становится ярким и konsekventным экспонентом анархо-коммунистических идей и принимает определенно-отрицательную позицию к все более укрепляющейся в России власти партии Большевиков.

Реакционность "революционного" правительства, разочарование в его действиях, отчаяние в успешном исходе революции, благодаря все большему ее стеснению партией у власти—объединили все истинно-революционные элемен-

ты Америки. С. Р. Р. объединяются в федерацию и посредством анархического органа "Х. и В." и анархической литературы готовят новые кадры борцов за бескомпромисные лозунги Социальной (Анархической) Революции. Журнал расходуется в десятках тысяч экземпляров, и издающиеся книги и брошюры там же находят читателей: работы П. Кропоткина, Ж. Гравы и др. являются настольными книгами всех членов С. Р. Р. Организация растет и крепнет за счет "социалистов". В Нью Йорке, где ведется вся издательская работа Федерации, сосредоточены самые крупные силы; для помещения редакции и для удобств членов снимается огромный дом, в котором жизнь идет ключом и ведутся ожесточенные дебаты о Революции в России и ее исходе.

Помещение называется "Народный Дом" и является настоящей революционной анархической биржей. Революционность русских масс заражает и американские слои рабочих; неустрашимо пропагандируют и агитируют наши товарищи: на квартирах, на улицах, в фабриках—всюду слышен революционный гомон русских рабочих. Правительство косо поглядывает на С. Р. Р., преследует передовых товарищей и арестовывает отдельных членов, но все еще не решается на погромы. 8-го Октября, в годовщину русской революции, нью-йоркские организации решают устроить демонстрацию протеста против интервенции мирового капитализма, в частности американского, в революционной России. Громадная толпа с плакатами протеста и революционных лозунгов собирается на улицах "Ист-сайд" Нью Йорка. Но лишь только демонстранты прошли пару кварталов, как на них набросилась пешая и конная полиция и начала беспощадно избивать и топтать демонстрантов. Многих арестовывают, и 5-ти нашим товарищам предъявляется обвинение в "измене".

Вообще, от начала 19-го года до Ноября месяца было арестовано свыше 100 товарищей, при чем к ним предъявлялись и на них измышлялись всякого рода обвинения: в уклонении и отказе от военной службы, в шпи-

онаже и "криминальной" анархии. Приговоры суда были свирепы: Колесник—10 лет, Шумко—15 лет, Ниринг—19 лет, но почти все были позднее освобождены без следствия, или же освобождены временно под залоги от 1000 дол. до 10,000 дол.

После побоища 8-го Октября, правительство явно готовится к массовым погромам революционных организаций. 7-го Ноября агенты правительства окружают Народный Дом, врываются в него и учиняют погром, неуспешный погром "истинно-русских" в былые дни самодержавия в России: женщины и мужчины избиваются палками и кулаками шпионов, мебель ломается, и куски ее служат пособием в руках полиции, книги рвутся и разбрасываются, кровь обгадит лица товарищей и руки озверевших палачей... Все арестовываются (в том числе почти весь состав Редакционной Коллегии) и увозятся в полицейские участки.

Такого же рода погромы происходят и в провинции, по всей стране.

Все, за немногими исключениями были обвинены в "криминальной" Анархии, за агитацию и за хранение анархической литературы, которую агенты сыскного отделения нашли при обысках квартир почти у каждого из арестованных. Таким образом, с ноября 1919-го к концу года было арестовано свыше 600 тов., большинство которых было присуждено к депортации в Россию, Большевицское правительство которой еще играло в революционность и принимало в пределы "социалистического" государства даже и отъявленных врагов как правительств, вообще,—так и государства—Анархистов.

Последний номер "Хлеб и Воля" вышел 13 Ноября, но с "Острова Слез", как окрестили иммиграционную станцию-тюрьму на Ellis Island, товарищи дали материал для выпуска листка, "Прощальный Клич", 19-го Ноября.

В количестве 249 человек—в их числе Александр Беркман и Эмма Голдман, уже около двух лет томившиеся в тюрьме за антиимпериалистическую пропаганду, а также 6 чел. не-

анархистов—товарищи были увезены, как изгнанники, на старом военном транспорте "Богфорд", который вполне оправдывал по своему виду клички "Ноева Ковчега". Первая депортация была 19-го декабря 1919 г., но позднее и другие товарищи, долго находившиеся в тюрьмах или под залогом, были также высланы из пределов славящейся своими "вольностями" Америки: 22 января 1921 г., вместе с отъезжавшими в Россию представителем Большевиков, Мартенсом и его штабом, было депортировано 65 тов. анархистов; 1-го февраля около 50; 26 февраля 25 тов. из которых Большевицское правительство отказалось впустить в пределы России (позднее один из них, семейный, был пропущен в Россию, а 5 были интернированы в Данциге, 3-м из которых удалось бежать, а двое были возвращены в Соед. Штаты и, после нескольких недель освобождения под залог в 1000 дол. каждый). Эпопея депортаций закончилась высылкой в начале лета 1921 г. еще 7-ми тов. из Клевеланда, членов Федерации Ан.-Ком—ов.

Федерация С. Р. Р. помогала и иноязычным анархистам в их работе: при ее финансовой и моральной поддержке издавался анархический журнал "Вильна Праца", на украинском языке, а также было выпущено несколько номеров анархического ежемесячника "Freedom", на английском языке.

Ноябрьские погромы и депортации прервали работу и движение было временно подавлено. Но вскоре, оставшиеся без духовных руководителей рядовые члены С. Р. Р., благодаря анархическому воспитанию, проявили свою самостоятельность и, собрав кое-какие оставшиеся силы, приступили к нелегальной работе—начали издавать Анархо-Коммунистический ежемесячник "Волна", который выходит и по сие время.

Полуграмотные сами, подразделив работу и общими силами редактируя журнал, подняли товарищи голос Анархии над царящей реакцией. Нелегально был созван подпольный Съезд Соед. Штатов и Канады, 17-го Апреля, 1920 г., который определил форму возрождающейся

организации, как свободно федерирующие Ан.-Ком. группы и принял Ан.-Ком. платформу. Посредством раз'ездного агитатора разбитые массы С. Р. Р. были собраны и переорганизовались в подпольные группы. Ликвидируется повсюду Федерация С. Р. Р. и Федерация Ан.-Ком. продолжает издание книг и брошюр, начатых и незаконченных Фед. С. Р. Р. Новая федерация старается установить работу в интернациональном масштабе и ищет связей с иноязычными товарищами и поддерживает материально и морально работу подпольной английской группы: литература, журнал и воззвания на английском языке финансируются федерацией и распространяются при помощи русских товарищей. Работа ширится и движение крепнет... На 9-м номере, типография, где печатался журнал,—проваливается, и издание органа из Д..... перевозится в Ф....., где однако не оказалось способных товарищей, чтобы вести работу коллективно и приглашается платный редактор. Журнал делается грамотнее, но внутреннее его содержание все еще слабо. Частые подпольные конференции и съезды все теснее и шире охватывают и организуют анархические элементы.

В Марте 1921 года, на 3-м съезде решается объединить Анархическое движение Канады "Свободное Общество" и "Волну" причем рекомендуется редактору "Свободное Общество" переехать в Соед. Штаты и работать в общем органе федерации "Волна". Невозможность печатания "Волны" в том городе, где находится Редакционная Коллегия, создает большие трудности, пока Редакционная коллегия и орган не передаются другим группам, где ведется издание и до сего времени. За время нелегального существования были неоднократно аресты за распространение литературы, отдельных товарищей, и целых групп (В Клевеланд 8 тов.). Приговоры за распространение литературы были особенно жестоки (за распространение "Free Society" в штате Коннектикут 2 тов. были осуждены на 10—15 лет каторги, и тов. Спивак в Питсбурге от 15—17 лет).

Характер организации Федерации Анархо-

Ком. групп Соед. Штатов и Канады таков: в основе,—группа не более 10 товарищей; группы объединяются в районы по удобствам местности и работы; районы объединяются в федерацию, а федеративный съезд—или выбирает из своей среды издательскую группу, которой поручается издание органа федерации, или же съезд поручает это при добровольном согласии товарищей одному из районов; никаких членских взносов, ни членских книжек, ни печати соглашения; полная свобода каждого члена группы, каждой группы и каждого района, и полная их самостоятельность во всех проявлениях: в ведении работы на местах, издании литературы и т. п. Только общность интересов и руководящий идеал Анархии—являются связующим звеном. Качественно, члены федерации—революционны, много читают анархической литературы, но, как и большинство рабочих, страдают недостатком общего образования, которое, тем не менее, обычно пополняется посредством домашнего и группового чтения и лекций научного характера.

Количественно, по выяснению 4-го А.-К. Съезда Америки и Канады 24-го Ноября, 1921 г., в Соед. Штатах насчитывается около 60 групп с средним количеством от 8 до 10 членов в каждой, да в Канаде 15 групп от 5—8 членов в каждой. Массовые организации, так называемые, Профессиональные Союзы которые возникли на месте старых С. Р. Р. в нескольких промышленных центрах и функционируют легально в общеобразовательном направлении, почти всюду находятся под влиянием членов Федерации, которые, обычно, являются наиболее активными работниками.

Финансово, Федерация обеднела, благодаря начавшейся после войны и все усиливающейся безработице, ибо безработица тяжелее всего ложится на иностранцев, и следствием ее является и полное обнищание русской колонии, в целом.

Издание органа Федерации "Волна" продолжается и средства на издание отчасти поступают с мест, отчасти пополняются средства-

ми от продажи ранее изданной литературы, что, конечно, препятствует изданию новой.

В последнее время с особой настойчивостью ощущается недостаток в интеллектуальных силах, которые могли бы поднять работу качественно и количественно и сделать Русско-американское анархическое движение источником сил и средств, для помощи анархическому движению вообще и всюду, как морально—так и материально.

Нужны умелые пропагандисты-анархисты и агитаторы, нужны организаторские силы, ибо поле для работы в среде русской колонии достаточно взрыхлено более чем десятком лет непрестанной работы анархистов и готово для посева, готово дать и плоды. Личная неприязнь и общее расслабляющее влияние мировой реакции, как следствие поражения Социальной Революции в России и попыток к таковой в Европе, сказалось и на анархическом движении Америки: часть товарищей (3) откололись от федерации, без каких либо принципиальных расхождений и стали издавать журнал "Буревестник", дробя и ослабляя и без того небольшие силы движения. 4-ый Съезд Федерации принял все меры к тому, чтобы объединить работу, ибо издание другого однородного журнала более чем несвоевременно. Отношение федерации к вопросам Интернационального Конгресса было обсуждаемо на 4-м Съезде и вынесенные резолюции могут быть пополнены делегатом.

В заключение к докладу можно сказать, что учение покойного тов. П. А. Кропоткина является основой мировоззрения русских Анархистов-Коммунистов в Америке и Канаде.

Анархическое движение в Канаде.

А. С. Volgin.

Движение анархическое в Канаде шло почти тем же путем и при тех же условиях, как и в Соед. Штатах: та же усиленная революционная работа, те же преследования властью и те же недочеты.

После 1-го Общеколонийального Съезда в феврале 1918 г., в организации Соц. Рев., кото-

рая существовала в Канаде раньше и особенно количественно выросла вслед за Октябрьской Революцией в России, происходит раскол, и анархические элементы выделяются из нее и организуются самостоятельно в Союзы Русских Рабочих, которые в течение лета вытеснили или окончательно ослабили социалистические (эс-эров, и новых "Коммунистов") организации и покрыли сплошной сетью всю восточную Канаду. В провинции Онтарио к июлю 1918 г. уже насчитывалось 19—С. Р. Р. В гор. Торонто вскоре созывается съезд Союзов, на котором определенно выясняется анархический характер организаций С. Р. Р.

В ноябре 1918 г. С. Р. Р., как и другие революционные организации, были объявлены вне закона и подверглись жестокому преследованиям Канадского правительства. Аресты и обыски делаются ежедневным явлением.

Движение загоняется в подполье и влечит полунелегальное существование до весны 1920 года, когда, по рекомендации 1-го А.-К. Съезда, как форма организации принимается окончательно небольшая подпольная группа. Несмотря на затруднения, анархические газеты получают и литература из Соед. Штатов по мере возможности, распространяется, причем канадские товарищи оказывают Федерации С. Р. Р. "Хлеб и Воля", значительную материальную поддержку на издание органа и литературы, фактически не входя в состав Федерации.

Издание "Волны" встречается с энтузиазмом; но трудность доставки, большие расходы по переправке через границу и постоянное запаздывание и иррегулярность доставки побуждают товарищей Канады начать в Ноябре, 1920 г. издание своего анархического ежемесячника "Свободное Общество", который значительно оживил и усилил движение.

3-й Съезд Ан.-Ком. Америки и Канады нашел более целесообразным, улучшить доставку в Канаду, объединить интеллектуальные силы для улучшения издания "Волны", и "Своб. Общ." закончило свое существование в Апреле 1921 г. С прекращением издания органа,

анархическое движение в Канаде затихло и благодаря недостатку в рабочих, там насчитывается всего 15 групп, с общим количеством до 100 членов.

К чести Канадских товарищей, идейное направление Союзов, и Ан.—Коммун. группы там всегда отмечалось своей выдержанностью и верностью идеям Анархического Коммунизма.

Пробовали русские товарищи в Канаде начать работу и на английском языке издали 2 номера листка "Awakener", прекратившегося за недостатком рабочих и средств; кроме того, старательно распространяли все листки и воззвания, получаемые из Соед. Штатов от английской анархической группы.

В настоящее время русское анархическое движение Канады тесно объединено с движением Соед. Штатов в одну общую Федерацию Ан.-Ком. Соед. Штатов и Канады.

Доклад Украинской издательской группы Ан.-Ком. "Вільна Громада".

А. С. Volgin.

Федерация С. Р. Р. "Хлеб и Воля", считаясь с потребностью в анархической пропаганде между украинцами, помогла украинским товарищам — морально и материально — начать еще в мае 1919 г. издание ежемесячника "Голос Праці", который с следующего месяца переименовался в "Вільна Праця" и выходил до Октября месяца (всего 5 ном.). За свое краткое существование журнал не мог создать значительного анархического движения в украинской колонии, за исключением 4-х или 5-ти групп, но все-таки бросил несколько семян анархической пропаганды в бывшую до селе девственную почву.

После ухода русского анархического движения в подполье, неоднократно делались запросы об анархической литературе на украинском языке. Чтобы удовлетворить хоть в небольшой степени запросы, канадские товарищи издали сборник "Наука робитникам", по вопросам Анархизма лучших теоретиков анархического коммунизма, как Кропоткина, Ж. Грива и др., а тов. Соед. Штатов издали две небольших брошюры, — но все это было лишь

каплей в море.

В конце 1921 г. Редакционная Коллегия "Волны", помогла собрать некоторые из оставшихся сил группы "Вильна Праця", которые, при финансовой и моральной поддержке Федерации, начали издание журнала "Вильна Громада" в 16 страниц, первый номер которого был всюду радостно встречен и успешно распространяется. Группа ставит своей задачей начать анархическое движение в среде

украинцев и наметила курс пропагандической и организационной работы, издание нужной литературы и т. п.

Есть надежда, что при энергичной работе, не смотря на безработицу и общую апатию, работа успешно будет продолжаться и расширяться.

Группа состоит из 5-ти тов. и журнал "В. Г." придерживается Ан.-Ком. направления, по мере их сил и способностей.

БОЛЬШЕВИЗМ, РЕВОЛ. СИНДИКАЛИЗМ И АНАРХИЗМ.

Статья I-ая

Классовая природа большевизма и революционного синдикализма.
М—нт.

Жестокое заблуждаются рабочие разных стран, думая, что современная эпоха есть эпоха только борьбы труда с капиталом, в процессе которой трудящиеся подыдут к непосредственному своему освобождению. В то время, когда они так думают ослабляя свою осмотрительность, бок-о бок с ним живет и развивает свою усиленную политическую деятельность совершенно особая экономическая категория людей, стремящихся к государственному господству и подчинению себе трудовых масс. Эта категория—демократия, стоящая промежуточно между буржуазией и пролетариатом. Ее цель — занять место разлагающейся буржуазии. Ее средства — политическая революция, вооруженная приемами так называемого научного социализма.

Есть больше основания опасаться, что плодами великой борьбы труда борьбы с капиталом воспользуется эта промежуточная группа,— четвертое господское сословие. Русская действительность и положение рабочего движения в ряде иных стран внушают нам эти опасения.

Большевизм представляет собою одну из ветвей марксизма, в настоящее время наиболее действующую и активную. Весь же марксизм в целом, с рядом родственных ему политических

течений, является движением к власти упомянутого четвертого господского сословия—социалистической демократии. Движение это началось около 80 лет тому назад. признав капиталистический строй обреченным на гибель, демократия возвестила миру свои формы общежития—коллективизм и социализм. Отныне они стали целью в ее социальной борьбе. Политические партии — органами и средствами этой борьбы. Центральной задачей последних было — подчинение рабочего движения интересам демократии. И в этом они вполне успели: в продолжении многих долгих десятков лет рабочее движение находилось на поводу у этих партий, обслуживая интересы постороннего и враждебного ему класса.

Это был период, когда класс пролетариев не познал самого себя, не осознал и не формулировал отчетливо свои классовые интересы, и его движение бесцеремонно эксплуатировали посторонние.

Опыты революции 1848 года, Парижская Коммуна, вся политическая деятельность партии за последние 50-60 лет показала рабочим, что все, так называемое, "народолюбие" и "рабочелюбие", исходящее из не-трудовой среды, являются вздором, а в большинстве случаев

тонким политическим обманом. И начиная с этого момента, стало развиваться классовое революционное самосознание масс, приведшее их к революционному синдикализму.

Сущностью последнего является — самоорганизация трудящихся и саморуководство их в борьбе с буржуазно - капиталистическим строем. Это означает следующее. Революцию для себя рабочие могут совершить лишь, как класс, сознавший свои исторические классовые задачи и цели. В соответствии с этим он должен быть организован по классовому признаку — по труду. Из этого само собой следует, что рабочий класс города и деревни отвергает всякое руководство своею борьбою со стороны политических партий, в которых, по самой их природе, группируется не трудовой элемент, а политический, будущие правители.

Но в классовой организации пролетариата трудовой принцип, еще не составляет всего. Трудящиеся города и деревни, осознавшие свои основные интересы, неизбежно должны стремиться к разрушению того социального строя, при котором труд является ничто, насилие же и воля организованной группы бездельников — все, к устройству своей независимой жизни на плечах труда, свободы и равенства. Следовательно, вторым признаком классовой организации трудящихся является ее стремление к ниспровержению капиталистического строя путем общей революции трудящихся.

И, наконец, третьей существенной стороной этой организации является принцип прямого действия. Борьбу свою с капиталистическим режимом рабочий класс не доверяет никому — ни партии, ни парламенту, ни так называемой революционной власти. Во всех моментах этой борьбы он участвует непосредственно сам, руководимый своими трудовыми и в то же время боевыми организациями, сплочивает свои силы в процессе этой борьбы и в конечном итоге берет в свои руки все дело переустройства современного строя неволи в общество свободных тружеников.

Таковы основы революционного синдикализма. В лице последнего мы имеем одну из не-

многих попыток подневольных рабочих мира встать самостоятельно на ноги и идти к освобождению своим умом и своим путем.

Естественно, это движение рабочих могло быть встречено демократией только враждебно. И на самом деле, революционному синдикализму, в продолжении всего своего существования, пришлось отбиваться от постоянных атак социалистических партий, в борьбе отстаивать право на жизнь. Там, где выдержал эту борьбу, и даже вышел из нее победителем, как например, во Франции, Испании рабочее движение стало широким фронтом выходить на путь социальной борьбы. И одно время казалось, что рабочие Европы и Америки, потряснут с себя гипноз политических партий, окончательно закрепятся на этом пути и безошибочными шагами пойдут к своей революции.

Русская революция 1905-7 г.г. и затем мировая империалистическая война 1914-1917 г.г. выдвинула на политическую арену новую разновидность демократии — большевизм. Большевик — это все тот же демократ, жаждущий во что бы то ни стало заполучить в свои руки власть и организовать управление трудовыми массами на новых началах. Но методы у этого демократа в борьбе за государственное владчество стали не те, какие они были 10-15 лет тому назад.

Опыт русской революции 1905 г. показал, что рабочие и особенно крестьяне чрезвычайно равнодушны к тем демократическим обещаниям, которые им сулят политические партии в своих программах — минимум, и совсем не склонны отдавать свои жизни за эти обещания. Наоборот — в крестьянской среде назрело движение к захвату помещичьих земель и орудий их обработки, а рабочие иначе и не понимают революцию, как одновременное ниспровержение политической системы царизма и экономического порабощения трудящихся промышленным торговым и прочим капиталом.

Таково лицо действительности в России. А за границей? В Европе и Америке? Несомненно социальный вопрос в массах там стоит в таком же смысле. Следовательно, чтобы де-

мократии не отстать непоправимо от жизни, необходимо учесть эту сторону действительности и применительно к ней организовать борьбу за власть. Большевизм и является этим учетом, этим политическим маневром демократии в борьбе за власть. Таким образом, с разбираемой нами стороны, большевизм определяется так: **Большевизм. (государственный — коммунизм)** есть учет демократией действительности за последние 15—20 лет и организация его захватной политики на основе этой действительности.

"Диктатура пролетариата", "национализация народного хозяйства" и прочие лозунги большевизма были выдвинуты им исключительно в целях верного и прочного достижения власти. Благодаря бесконечной лематологии и чудовищному обману масс лозунгами социализма и благодаря волевой и организационной распыленности рабочих и крестьян в 1917 году, это удалось и в настоящее время власть в России находится в безраздельном пользовании у центральной демократической партии—большевиков.

Но это лишь первый шаг и первый успех демократии. Чтобы укрепить свое положение, ей необходимо подчинить себе рабочее движение в разных странах, заставить его идти по строго намеченному пути захвата власти и диктатуры, сковав его под конец чисто армейским повиновением. На этом втором шаге большевизм неизбежно сталкивается с революционным синдикализмом, играющим известную роль в рабочем движении Франции, Испании, Италии, Америки (И. Р. М.) и других стран. Столкновение это уже произошло на первом международном конгрессе красных профсоюзов в Москве летом 1921 г.

Какие же заключения можно вывести из первого столкновения этих двух самостоятельных и прямо противоположных течений—классового движения трудящихся и цезаризма демократии?

Заключения следующие: Стратегически большевизм в несколько раз сильнее и опытнее революционного синдикализма, и есть больше оснований опасаться, что именно благодаря своей превосходной стратегии большевизм одолеет революционный синдикализм, заставив его идти

на поводу у политической партии или разрушив все его организации.

Но для кого не секрет, что Интернационал Красных профсоюзов учрежден по инициативе коммунистической партии, и что он является ничем иным, как подсобным средством компартии для осуществления его политической программы в разных странах. То обстоятельство, что первый международный конгресс революционных профсоюзов был организован и от начала до конца проводил по директиве коммунистической партии, показывает, что большевизм выбил инициативу из рук не только правых политических партий, но и из рук революционного синдикализма, усыпив бдительность последнего в нужной ему деятельности. Не будь революционный синдикализм усыплен, он не уступил бы дела организации мирового конгресса революционных профсоюзов политической партии (совет русских профсоюзов есть лишь небольшое отделение Р. К. П.), а стал бы во главе его сам, так как это есть его дело и ничье больше. В то же время он попытался бы подойти к величайшему явлению современности—к русской революции—непосредственно сам, а не принимать ее в освещении правящей партии, являющейся палачем этой революции. Это во-первых.

Во-вторых, вопрос о "диктатуре пролетариата", согласно диктатуре компартии (Р. К. П.) стал злобою дня рабочих организаций разных стран, в том числе революционного синдикализма и И. Р. Мира, и не редко решается ими в положительном смысле. Диктатура пролетариата в России есть диктатура пяти-шести руководителей компартии. Если Людовик XIV говорил: "государство—это я", то Троцкий, Ленин, Зиновьев и Каменев с большим правом могут сказать: "Диктатура пролетариата—это мы четвертка". В России это известно каждому рабочему и сами диктаторы не стремятся опровергнуть такое положение вещей, стараясь лишь возможно больше ставить войск в деревнях против бунтующих крестьян и в городах против рабочего класса, ставши целиком на подозрении у власти.

„Диктатура пролетариата“ — это не только не социальная программа, это даже не политическая программа. Это голый демагогический прием партии, стратегический маневр, наиболее безошибочно ведущий ее к власти. После русского опыта серьезно обсуждать этот лозунг могут лишь те из рабочих организаций, которые опасно отстали от жизни.

Все эти промахи революционного синдикализма показывают, как в сущности свободно большевизм справляется с ним, благодаря своей тонкой стратегии.

Революционный синдикализм имеет перед собою, в лице большевизма опаснейшего врага, вооруженного безпримерной в истории демагогией, настойчивого, наглого и небрезгающего никакими средствами в борьбе с противником.

Революционный синдикализм и большевизм — два антипода. Первый стремится организовать массы на классовых революционных началах во имя их подлинно — социальной революции. Второй стремится подчинить массы своему руководству, завоевать их, овладеть их движением в целях повседневного утверждения власти демократии. Сущность революционного синдикализма настолько противоположна сущности большевизма, что последний ни о чем другом не думает, как о полном умерщвлении революционного синдикализма. Вопрос в настоящее время идет лишь о безошибочных методах этого умерщвления. Чтобы революционный синдикализм Европы, Америки и других стран не оказался обойденным и раздавленным этим врагом, он должен крайне зорко следить за всеми движениями его и поспешить взять в свои руки инициативу революционного действия.

На первом международном конгрессе революционных профсоюзов великое достижение пролетарской мысли — принцип независимости рабочего движения — было названо представителями большевизма застарелым предрассудком.

Мы не ошибемся, сказав, что через год — два, если компартиям удастся сунуть в каждый профсоюз свою партийную ячейку, весь революционный синдикализм, при попытке отстоять свои позиции, будет объявлен движением контр-

революционным. А еще через год-два, при политической победе большевизма над буржуазией, революционный синдикализм за малейшее неповиновение будет объявлен вне закона.

Большевизм чрезвычайно гибок, хитер, вульгарно — материалистичен. Он приспосабливается ко всяким сторонам человеческой природы, искусно пряча концы этой приспособляемости, и благодаря этому силен в своих стратегических поступках.

Никто лучше большевизма не доказал, что речь человеку дана для того, чтобы скрывать свои мысли. Ничто лучше его не знает, что всякий договор есть клочек бумаги, который бросается тотчас, когда это выгодно. Никто борьбу со своими идейными и политическими противниками не довел до такого машинизма, оголения и зоологичности как большевизм: он действует в этой борьбе сразу всеми средствами — агитацией, полемикой, тюрьмой, плахой, провокацией и убийством из-за угла. И не хуже других „знатоков“ человеческой природы он пользуется властью золота на „слабые“ человеческие сердца, буржуазные или прелетарские — ему безразлично. И т. д. и т. д. Ни одно из средств достижения, испробованных различными человеческими группами и запечатленных историей, не пропускаются им мимо, не будучи использованным ради его не утолимого властнического инстинкта.

Подчинение мирового профессионального движения пролетариата руководству коммунистической партии или контакт с ней — вот вопрос, заданный большевистскими дельцами революционным синдикалистам.

Подчинение революционный синдикализм открыто отвергнул. Ну, а контакт? Не есть ли это тоже подчинение, только с другого конца проводимое? Мы уверены, что да, что принятие контакта с политической партией приведет мировое рабочее движение к подчинению этой партии.

Большевизм даже не скрывает того, что он стремится к овладению всеми организациями

пролетариата. Следовательно, вопрос стоит ясно: раньше или позже, но рабочее движение со всеми своими органами должно встать под началом компартии. Все дело в том, как безошибочнее осуществить это. Видя, что революционный синдикализм отвергает открытое подчинение партии, большевизм предлагает ему контакт. Русские анархисты, революционные синдикалисты, левые соц.-революционеры прекрасно знают этот прием большевизма, испытав его на своей спине. Как только за счет их революционных усилий, революционного энтузиазма и самопожертвования большевизм укрепился, он, при первой с их стороны критике своих действий, бросил их в тюрьму и на плаху. Этот же самый политический прием предпринимается теперь большевизмом в отношении революционного синдикализма разных стран.

Некоторые революционные синдикалисты не могут представить себе, как в их странах с сильным рабочим движением такое обширное понятие, как диктатура пролетариата, могло бы фактически вылиться в диктатуру политической партии или еще того зlostнее — в диктатуру нескольких лиц.

Для тех, кто представляет себе достаточно отчетливо, что такое революция и революционная эпоха, понятно, что в эту эпоху особенно необходимо твердое и проницательное руководство революционными событиями. Но вопрос — кто будет руководить? Рабочие союзы или партия? Для всякого ясно, что если партии будет доверено руководство событиями, то она сконцентрирует его в своем центральном комитете, и этот центр комитет будет самодовлет, ставя свой ум и волю над умами и волею рабочих организаций. С этого начинается диктатура партии, ложно называемая диктатурой пролетариата.

Но и в том случае, если партии не дадут прав руководить событиями, она по законам своей природы будет стремиться во что-бы то ни стало захватить их в свои руки. В момент революционных боевых выступлений масс и при наличии контакта с рабочими организациями этого она легко может достигнуть. Будет указа-

но на адски-хитрый план буржуазии удушить революцию, на необходимость немедленного создания единого основного штаба революции, который бы с быстротой и твердостью военного аппарата руководил событиями и в корне пресекал все попытки контр-революции. И, конечно, таким "штабом" окажется компартия, которая, за счет контакта с революционными организациями пролетариата, постарается перед этим как можно выше поднять свой политический авторитет. И в этом случае, следовательно, диктатура партии на лицо.

Сотрудничество революционного синдикализма с какой бы то ни было политической партией будет жестокой исторической ошибкой, а жизнь не прощает таких ошибок. Чтобы их избежать, необходимо изучать, а не принимать из казенных рук, русскую действительность.

Русская же действительность говорит следующее: всякие уступки, или соглашения с политическими партиями приведут революционный синдикализм к разложению и гибели.

Большевизм — верное и ревнивое детище международной социальной демократии. Но таким же верным детищем является ревизионистское крыло демократии, группирующееся вокруг 2-го 2½-го интернационалов. Спор между ними возник благодаря бойкому воинственному характеру большевизма. Спор этот временный, случайный. И большевизм и ревизионизм (меньшевизм) тащит массы в один и тот же Рим — в царство господ. эксплуататорской демократии.

Путь революционного синдикализма есть путь подневольного труда, стремящегося освободиться от всякой опеки, постороннего руководства и власти. На этом пути у него не может быть никаких союзников, а лишь враги. Чтобы не сойтись с этого пути и не попасть в одну из многочисленных западней, расставленных перед рабочим движением, революционный синдикализм должен быть очень зорким, бдительным, а главное, как боевая классовая организация трудящихся, он должен немедленно взять в свои руки инициативу международного объединения труда и инициативу революционного действия.

«В О Л Н А»

СУДЬБА АНАРХИСТОВ В РОССИИ.

М. Авенариус

Передо мною лежит список расстрелянных анархистов, павших жертвами за свою преданность делу полного освобождения поработенного русского рабочего и крестьянина, не пожелав подчиниться "теоретической" догме большевизма—печально — известной "диктатуре пролетариата".

А. Сидорин — анархо-синдикалист, член Екатеринославской анархической организации "Набат", эмигрант, прибыл из Америки в 1917 г. только три месяца тому назад, вместе с двумя товарищами (их имена не известны) расстрелян харьковской "Чека".

Петр Рыбин — анархо-синдикалист, секретарь Совета Революционных Повстанцев (махновцев), эмигрант, прибыл из Америки в Харьков в 1917 г., и осенью 1920 г. перешел в лагерь Махно, как раз во время заключенного договора между Махно и советским правительством, чтобы сообща бороться против Врангеля. Благодаря семейным делам он приезжает обратно в Харьков. Его обратный приезд совпадает с моментом, когда Врангель был окончательно разбит — одновременно с предательским нападением со стороны советской армии на Махно. Находясь теперь в Харькове, Рыбин, как секретарь совета революционных повстанцев, обратился по телефону к председателю украинского советского правительства Раковскому, заявив последнему, что поступок советского правительства по отношению к Махно, на которого оно напало разгромом, не смотря на заключенный с ним договор, не есть поступок революционеров, но самых низменных бандитов и подлецов. Это была тактическая ошибка, ибо тем самым он дал возможность выследить свежие телефонные следы. "Чека" его действительно поймала и через короткое время... застрелила в Харькове.

Одновременно с тов. П. Рыбиным расстреляны были еще несколько эмигрантов, прибывших из Америки в Россию вместе с Эммой

Гольдман и Александром Беркманом; но имена этих эмигрантов мне не известны, за исключением некоего Богуша. Многие из той же партии эмигрантов сидят теперь в большевистских застенках, среди них также известный массовый оратор Кушнарев; все они были осуждены за произнесение анархических речей.

Летом 1921 г., когда в Москве происходили заседания красного профинтерна, группа заграничных делегатов синдикалистов во главе с Сиролем (Франция), Левалем (Испания) и другими подняла сильный протест против того, что советское правительство держит и морит голодом анархистов в тюрьмах, не имея против них никакого обвинительного материала. Этот протест оказался роковым для некоторых анархистов, среди них—для Льва Черного и Фани Барон (жены А. Барона). Вскоре после этого протеста появилась на французском языке брошюра, составленная неким Я. Яковлевым *), с предисловием Троцкого, где коммунисты стараются огрызнуть анархистов, что они бандиты и разбойники и поэтому их следует уничтожить. Вскоре после этого в Москве произошел ряд бандитских нападений с человеческими жертвами. Советская власть поспешила использовать это как материал против некоторых анархистов вместе с Львом Черным и Фаней Барон. Фальсифицируя им обвинение в этих бандитских нападениях и провоцируя руками московской "Чека" новое обвинение на них в том, что они будто-бы организовали фабрикацию фальшивых советских денег, они вместе с настоящими бандитами застрелили также Фаню Барон и Льва Черного. В действительности же Лев Черный и Фаня Барон не были причастны к криминальным фактом в этом процессе ибо Лев Черный был человек необыкновенный, можно

*) Я Яковлев — автор пасквильной брошюры на русском языке: Русский анархизм в великой русской революции. (Примечание переводчика).

сказать, детской, наивной честности; человек высоких дум, книги, но отнюдь не практики, да еще — криминальной практики, и поэтому всякое уголовное обвинение против него не больше, как грубая низменная ложь. Что касается Фани Барон, то она как раз в день своего ареста возвратилась из деревни, где она все время занималась полевой работой, так что она также была совершенно невинная жертва большевистского террора. Вообще, весь процесс о фабрикации фальшивых советских денег фальсифицирован московской "Чека", ибо когда Лев Черный стал замечать, что его жилище превратилось в сборище не совсем приятных личностей, которые то и делали, что постоянно приносили какие-то пачки, которые и оставляли на месте, то он начал протестовать. (Установлено, что один агент из московской "Чека" тоже принимал участие в фабрикации советских денег и приходил также в дом Льва Черного). Но вскоре он в ответ на свои протесты получил анонимное письмо с угрозой, что его убьют, если он не будет молчать, и в тот самый день, когда он получил письмо, он и был арестован! Установлено, что приказ расстрелять Льва Черного был подписан председателем московского совета Каменевым, который хорошо знал Льва Черного и он также знал, что последний ничего общего не имел к таким делам... Характерно то, что "Чека" заявила, что она расстреляла какого-то Павла Дмитриевича Турчанинова-имя которое не всякому было известно, и совершенно умолчала, что это Лев Черный, который был так популярен среди московских рабочих масс.

К многочисленным реакционным актам, совершенным коммунистической жандармерией в рабочих кругах России, принадлежит также арест тов. Роде (анархо-синдикалист, бывший секретарь нью-йоркской группы "Голоса Труда"), который произошел весной 1921 г., и которого "Чека" захоточного взяла из кровати и заключила в харьковскую тюрьму, где он находится уже свыше года. Последнее время циркулировали даже слухи, что советская власть собирается его освободить, но до сих пор ниче-

го положительного не известно.

То же самое произошло и с А. Бароном (тоже анархо-синдикалист, эмигрант, в 1917 г. прибыл из Америки и почти все время работал в Киеве, где он был очень популярен среди рабочих масс, как талантливый оратор и преданный работник). В 1920 г. он едет в Харьков на легально-организованный Анархический Конгресс, и вместе с другими участниками его арестовывают и отсылают в Московские "Бутырки". Оттуда его переправляют в Орловскую тюрьму, где он и находится по настоящее время.

За все время он проделал три голодовки и в последнюю голодовку его жизнь находилась в большой опасности. Передают теперь, что он чувствует себя очень больным. На его здоровье в особенности повлияло известие о трагической смерти его жены — Фани Барон.

Но хуже всего положение известной анархистки Ольги Таратуты. Еще в 1905 г. она была приговорена к смерти царским режимом; но после этого смертная казнь была ей заменена двенадцати-летней каторгой и эту кару она должна была вынести в Одесской тюрьме, где она временно сидела. Но вскоре она бежала отсюда и в 1907 г. опять была арестована и просидела в Екатеринославской тюрьме уже до революции 1917 г. Весь этот последний год она не принимает участия в движении, чувствует себя слабой и больной после долгих лет тюремной жизни. В 1918 г., во время владычества гетмана Скоропадского, она является представительницей "красного креста" на Украине. Через ее руки проходит вся помощь советского правительства для арестованных в тюрьмах Скоропадского большевиков, так что ее отношение к большевикам было до известной степени лояльное. В конце 1920 г. она вновь заинтересовывается анархическим движением и едет на анархический конгресс, легально созванный организацией "Набат" в Харькове. Зная ее как ответственную работницу, товарищи предложили ей инициативу организации "Черного Креста", задачей которого должна быть — помощь товарищам анархистам, которые в то время в

большом количестве из-за
жизни из-за
говора между
вож. Ольга
женную рабо
от анархичес
печила себя
ны большеви
сочастие и
свои напад
арестовано
анархистов
Ольга Тара
стами она б
сковские "Г
дний пере
в провинци
была вместе
отведена в
полу-года ст
Назонец, ее

Товарищи
рошо должн
ропейской б
лее кто не
пролетариат
мощнейшен
человеческие
считался н
на свете
вое дело,
есть дело
А поэто
мира даже
выполнил
от чистого
честной ду
видах зап
1917 г., п
хидников
сно. Он
фронт.

большом количестве должны были быть освобождены из тюрем на основании заключенного договора между Махно и советским правительством. Ольга Таратута взяла на себя предложенную работу и, получив большие полномочия от анархической организации, она также обеспечила себя широкими полномочиями со стороны большевиков, которые ей обещали широкое соучастие и помощь. Но во время предательского нападения большевиков на Махно было арестовано представительство последнего, много анархистов на Украине, и среди них—также Ольга Таратута. Вместе с остальными анархистами она была переведена из Харькова в Московские "Бутырки", где во время известной дикой пересылки заключенных из "Бутырок" в провинциальные тюрьмы (апрель 1921) она была вместе с остальными сильно избита и отведена в Орловскую тюрьму, где она более полу-года страдала ужасной болезнью—цынгой. Наконец, ее опять перевели в "Бутырки".

Ольга Таратута принадлежит к лучшим типам старых революционеров: она не позволит унизиться перед властимушцами и владыками. Она ни в коем случае не может поддаться... Она всегда горда, независима, с сильным характером и железной натурой, подобающей человеческой чести. И только за это одно русские "коммунистические" владыки решили ее подавить и уничтожить; только в силу этого они моят ее голодом, холодом и болезнями в своих социалистических тюрьмах вот уже более года...

Такова судьба наших товарищей в России. Мы привели здесь только маленький список наших мучеников, но в них, словно в зеркале, сказывается мученичество всех русских анархистов, понятно, действительных анархистов, а не так-называемых советских анархистов, как Ротштейн (Иуда Гросман), Новомировский и др., которые не больше как обыкновенные большевистские лакеи, но об этом в следующий раз.

("Арбайтер Фрайнд") Перевел Л. Л.

ДЕНЬ РАБОЧЕЙ ПЕЧАТИ.

Товарищи рабочие и работницы! Вам хорошо должны быть известны последствия Европейской бешеной пляски (войны), а тем более кто не видит последствий со дня восстания пролетариата России, со дня энергичного и самоотверженного мужества в борьбе за свои человеческие права. Русский пролет. и раб. не считался ни с чем и даже с самым дорогим на свете — жизнью; он знал, что идет за правое дело, он знал, что освобождение рабочих есть дело самих рабочих.

А поэтому он заслуживает от пролет. всего мира даже большее чем мы предполагаем. Он выполнил свою миссию свой священный долг от чистого своего сердца и страдальческой честной души он прозябал и умирал в траншеях защищая тяжело добытую им свободу 1917 г., перед ним были почти ничтожны стаи хищников окруживших железным кольцом Россию. Он был прав по возвращении со всех фронтов, воспользоваться всем тем, что добыл

тяжелой, дорогой для него ценой, но злая судьба горько насмеялась над ним, его встретила неожиданно для него коварная участь которая и привела почти в безвыходное положение, к наглому издевательствам и позорной смерти!

Над головами рабочих повисла мрачная туча. Еще долго не сойдут с уст рабочего слова и все воспоминания о пережитых и переживаемых бедствиях, причиненных большевистскими Тьерами и подобными им.

Кто из рабочих, хотя в душе, не переживал происходящих бедствий? Сегодня перед нами встает вопрос, вопрос о помощи нашим братьям в России, но следует разобрать вопрос как и чем мы сможем оказать всевозможную с нашей стороны помощь? Говорить ли о филантропической и разного рода вспомогательной желудочной помощи? Этот вопрос мы разберем если будет для нас возможно в другой раз.

Перед нами вопрос о духовной пище, кото-

рому следует придать более характерный смысл в его разрешении. Вопрос, над которым каждый индивидуум должен самостоятельно задуматься, что за причина принуждающая его быть рабом, живя как-бы по указке кого-то, о котором наш ум не имеет понятия? Что за причина заставляет нас с самой колыбели, всосав с молоком матери все наивные суеверия, которые больше всего позволяют нам, преклоняться, унижаться перед всеми, кто только пожелает этого. "Двадцатый век", говорит—"цивилизация"! Но увы, рабство процветает на ряду с цивилизацией. Рабство нашего времени и рабство наших предков о котором мы можем читать в истории человечества, бледнеет перед рабством нашего времени. Что скажет будущее поколение, прочтя историю наших предков, и историю Двадцатого века?

Да, товарищи, в истории природы все идет своим чередом и при том довольно сложно.

Ну, а что же в истории человечества? Наш ум так поработан в общем смысле, что не позволяет нам видеть больше того, что мы видим—мрак, рабство, окутывающие нас с головы до ног целые века.

В настоящее время мы признаем, более чем когда либо, необходимость стать на ту почву, на которой стоял смог бы каждый заключить что в настоящее время, вновь мрачные тучи так нависли над головами рабочих, что рабство воскресает с новой силой, в России 180-ти миллионное население погружено в омут большевистского рабства!

Обман русского рабочего и крест., борющегося за лучшее будущее всего человечества—исторический... Когда наши братья умирают позорною смертью, когда в России все жилище трепещет под "пятой" Чека,—все просвещение для рабочих стали ложными обещаниями, а большевистские Тьеры танцуют на трупах борцов за лучшую долю рабочего и ликует свора комиссаров.

Перед нами вопрос: "что же дальше"? Все эти бедствия наших братьев глубоко внедрились в наши души, мы от души чувствуем все переживания—несчастья трудящихся, но этого

недостаточно, необходима усиленная пропаганда как устно так и печатно, необходимо выяснение положения настоящего времени, которое принимает дерзкий характер.

Но как приступить к этому вопросу в помощи освещения всех фактов творящих в упрямой свободе для рабочих? Это связано с материальными и другими трудностями.

Но разве нас должны страшить эти трудности по сравнению с теми, коорые причиняются нам разного рода проходимцами (благодаря наивности) самозванцами и вообще лизенщиной.

Товарищи! Кто сочувствует идеалу "Свобода для угнетенных" и смерть палачам, тот присоединится к нашему голосу—тот отзовется по первому зову за правое дело.

Товарищи! С тех пор как промчалась палемеровская гроза по Американской Руси, разметавши все стоявшее на точке зрения Свободы, Равенства и Братства, после этой бури, считали, палачи, будет затишье, но ошиблись—появились волны со дна моря и начали волновать умы рабочего. Со дня появления нашего органа "Волны" в свет, нам хорошо известны те времена и до настоящего времени. Те материальные недостатки, и которые чувствовались и чувствуются и по настоящее время, переживает критическую сторону в смысле финансов, что и имеет задержку поставить на должную высоту наш единственный орган, стоящий на точке зрения бесгосударственного коммунизма. Это единственный орган, который строго и точно справедливо защищает идею свободы, равенства и братства. А раз мы признаем, что это так, то примемся же за дело, приложим все наши силы, всю нашу энергию к тому, чтобы осуществить это чем скорей. Если мы признаем, что наша громадная помощь страдающему рабочему именно и выражается больше всего в просвещении, пропаганде, перевороте в умах рабочих, то такая помощь и будет лучше всякой филантропии.

Мы с своей стороны предлагаем устроить День Рабочей Печати, а именно: чтобы каждый рабочий (без разл. полов) сочувствующий

направлению бесгосударственного коммунизма, внес для этой цели свой однодневный заработок, что и даст возможность привести хотя частично к разрешению самого насущного вопроса посредством нашего единственного органа "Волны", дабы чем скорей привести это к осуществлению, мы предлагаем самое удобное время, и намечает один из дней от 25 июня по 10-ое июля сего 1922 года. Детройтский район беря на себя инициативу подняв таковой

вопрос немерен привести в исполнение в выше намеченный срок. Некоторые товарищи уже откликнулись на предложение, проведя его в жизнь. Отчет будет помещен в июльском № "Волны".

Товарищи! Дабы не остался наш голос вопиющим в пустыне, предлагаем следовать нашему примеру.

С товарищеским приветом.

Детройтский район.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКСПРОПРИАЦИИ.

W

Вопрос об экспроприациях уже не раз поднимался в нашей литературе и решение его у большинства товарищей почти сходится. Мы с своей стороны, хотя кратко, выскажемся по этому вопросу.

История долголетней борьбы наилучших, объединенных с привилегированными паразитическими классами, говорит нам о том, что все крупные преобразования были завоеваны революционно-насильственным путем. Вся история представляет собою борьбу двух враждебных, с непримиримыми, интересами классов. Партии, включающие поработанные массы, которые ведут борьбу с господствующими аристократическими—эти партии, несущие социалистический или анархический идеалы—еще не являются партиями революционной борьбы. Идеал (будущее общество) становится революционным тогда, когда он выдвигает тактику насильственной борьбы путем разрушения современной государственной и капиталистической системы. Тактика характеризует партию, как революционную или реформистскую. Социалисты-государственники, стремящиеся якобы нарушить права господствующих классов, выдвигают тактику реформизма, посредством которой стремятся преобразовать, реформировать современное государство. Реформистский метод борьбы укрепляет господство привилегированных классов, которые, желая сохранить свое положение, делают добровольные уступки, выражающиеся

в легальных, не нарушающих основы существующего, преобразованиях.

Естественно, что демократические партии, являясь по существу реформистскими, стремящимися целым рядом преобразований "расчистить почву для классовой борьбы пролетариата" путем парламента, всегда найдут сторонников и защитников в некоторых группах буржуазии. Эти партии не вырывают пропасти между двумя враждебными классами и своей программой минимума создают лишь точки соприкосновения, общие интересы, совместные задачи. Находя в лице, понимающей свои интересы буржуазии союзника, они могут вступать во временные (а возможно и постоянные) блоки, жить на ее счет и, пользуясь щедростью благотворительной буржуазии, широко организовать свою партию.

Социалисты-демократы материально всегда обеспечены. Для них вопрос о том, как существовать, на какие средства вести техническую сторону работы, не существует. Обеспеченные кошельками существующей буржуазии и грошевым взносом от скудного заработка пролетариев, с яростью набрасываются на тех из своих собратьев, которые по своей наивности не успели еще распознать сущности своей социальной доктрины (теории и тактики) и иногда готовы принять, а порой принимают, участие в экспроприациях. «Левые» партии стали выносить одну резолюцию за другой, отвергая

всякие экспроприации, как частные так и казенные.

Еще с большей злобой, большей ненавистью они обрушились на нас анархистов-коммунистов, клеймя экспроприации, как хулиганские и черносотенные.

Долой экспроприации, да здравствует туго набитая мошна благодетельных буржуа!—вот скрытые лозунги, которые не осмеливаются громко произнести демократы.

Кладя в основу революционные принципы безвластия и коммунизма, отрицая частную собственность, мы анархисты-коммунисты, выдвигаем революционную тактику, боремся революционным путем, стремясь всегда нарушить закон, порядок, создающий покой буржуазии; нарушить мораль, религию с ее заповедями всепрощающей любви, созданной якобы ревнителями мира, но по существу яркими выразителями господствующей, пользующейся всеми благами "рая земного", буржуазии.

Отрицая власть государства, подрывая в основе старый дряхлый мир—мы становимся в непримиримо-враждебные отношения ко всем тем, кто еще может находить точки соприкосновения с отживающим и в рамках существующего строя жить и заниматься «строительством».

Чтоб отнять у господствующих, сытых классов их привилегии и сломить их силу, чтоб организовать для революционно-насильственной борьбы, нам нужны средства, которые анархические группы предпочитают отнимать у буржуазии для борьбы с ней же.

Организованному насилию, санкционированному законами государства и общественной морали, правовому насилию, которое государство дает в руки буржуазии, чтоб совершать бескровные убийства, мы противопоставляем партизанские выступления (в виде террористических актов и экспроприаций), находящие себе оправдание в высшем праве справедливости, в законах голодных, поработанных и униженных масс, желающих свергнуть иго эксплуатации, разбить цепи рабства.

Пусть демократы и либеральная буржуазия,

призывающая к миру, клеймит открытые нападения (экспроприации), как разгул страстей, напишет жиденькие статейки о локаутах, безработных, о медленно вымирающих в деревнях голодных крестьянах, сзади которых как смерть с отточенной косой, стоит буржуазия...

Мы этим проповедникам мира и любви отвечаем жгучей ненавистью, ненавистью угнетенных веками, сдавленных в кулаке капитала, ненавистью страстно стремящейся разрушать, нарушить мир счастливых и сытых...

«Довольно мы врагов своих любили!

Мы ненавидеть их хотим!»

Кладя в основу своей теории революционные принципы, оставляя непримиримый метод борьбы, мы остаемся в позиции, единственно враждебной наносящей в период непосредственной борьбы удары капиталу и власти.

Экспроприации, не смотря на большое количество жертв, с которыми они сопряжены, не могут быть нами отвергнуты.

На щедрость буржуазии нам рассчитывать не приходится; на «содержание» она нам не даст, да и мы у нее не возьмем. Но все-же вопрос об экспроприациях остается жгучим, наиболее болезненным вопросом. Совершающиеся ежедневно грабежи, мелкие нападения и крупные организованные экспроприации смешиваются в одно, и нет возможности понять, кто идет под идейным знаменем и кто только прикрывается им. «Левые» и либералы, лишь недавно, когда пахло весной «свобод», когда они горели (кто слабей, кто ярче) революционным энтузиазмом, отрицая в принципе экспроприации, все-же благосклонно констатировали это явление, как рост масс (?) в смысле отрицания «святости», «ненарушимости» частной собственности... Но немногие решались высказаться откровенно в таком роде... Постепенно, когда нападения начали учащаться, либералы и демократы, чтоб обеспечить целостность своих кошельков, решили обуздать «анархию» в стране... Посылались «порицающие» резолюции, и теперь, когда торжествующая реакция нагло расстреливает, чтоб сохранить целостность государства, когда правительство совершает это с глубоким сознанием

своих интересов, дабы сохранить старые устои собственности и морали, ее охраняющей; либералы и социалисты-демократы, дважды прошедшие "сквозь строй" двух Дум, отрезвленные, вторя правительству заговорили в передовицах своих газет, о некультурности такого метода борьбы, о морали, о забытых заповедях "не укради", не "убий".

Конечно, не стоны лицемерных демократов, гораздо резче высказывающихся против простых грабежей, чем против действий правительства, и клеймящих наш способ добывания денег, нас смущают; мы хотели высказаться ясно, определенно о форме экспроприаций, которые мы признаем, затем, чтобы широкие массы могли отличить, понять, где совершается экспроприация сознательными анархистами, где бессознательными элементами под маской анархизма, и, наконец, профессиональными людьми вырешенными за борт, вынужденными, красть, грабить, чтобы на пиру жизни урвать и для себя кусочек... Клеймить этих «варваров» мы уступаем место социалистам-демократам.

В целом ряде совершающихся и совершившихся экспроприаций мы отличаем два вида их:

1) Нападения, организованными анархистами-коммунистами, ставящими себе целью экспроприировать крупные суммы для организационных нужд.

2) Мелкие нападения, совершаемые бессознательным элементом под знаменем анархизма.

Этот второй вид нападения заставляет, главным образом, высказаться о нашем отношении к экспроприациям.

Каждое выступление каждого средства борьбы, применяемое нами, анархистами, должно прямо или косвенно быть направлено против паразитического класса, буржуазии; и в данном случае экспроприации не составляют исключения. Экспроприации являются единственным источником средств для организационных нужд, и в то же самое время косвенно являются актом глубокой важности, глубокого значения. Эти акты, приковывая ра-

бочую мысль, заставляют их искать ответа, и он ясен: подвергающийся опасности капиталист (или защищающий его интересы), растающий с десятками тысяч, есть никто иной, как его непосредственный враг, всю свою жизнь высасывающий его соки.

Здесь уже не сочувствие, не сострадание к буржуа, здесь просыпается сознание, зажигается ненависть. Товарищи, совершающие такие акты, самоотверженно погибая, без пояснений завоюют симпатию у сознательных рабочих. В известный момент, считая необходимым раздобыть средства для группы, или же для какого-либо предприятия, товарищи шли на экспроприации, как на террористический акт, и часто героически погибали на этих "маленьких" делах. Много жертв, много молодых жизней погибло смело, отважно, и мы не забудем их: память об этих товарищах не исчезнет—будущее оценит все величие этих борцов...

Не те мысли, не те чувства вызывают мелкие нападения на торговцев или другие зажиточные скопи населения для личных целей или даже партийных.

Эти экспроприации совершаются под знаменем анархизма людьми, называющимися анархистами лишь только потому, что насильственно отнимают деньги, сознательно или бессознательно считают экспроприации одним из существенных принципов анархизма.

Эти нападения вызывают наше глубокое отвращение так как характеризуют лиц, не способных идейно освещать каждое средство борьбы, и, воспринимая особенно быстро принцип экспроприации, (являющийся технически необходимым) идут по линии наименьшего сопротивления, не считаясь с последствиями таких действий для анархического движения.

Средства, к которым прибегают эти мнимые анархисты, чтобы запугать жалких обывателей, накопивших тяжелым, упорным трудом рубли, сотни, и которые отнюдь не могут считаться непосредственными врагами угнетенных масс, мы целиком отвергаем, считая их противоположными духу и типу (?!) анархизма.

В этих нападениях на магазины, лавки — нет ни анархического сознания, ни анархического акта, здесь сказывается жестокость *), теряется ценность, как своей, так и чужой жизни. И как бы такой тип «эксистов» ни старался прикрываться тем или другим идейным знаменем, всегда и везде будет разоблачен истинный смысл и значение таких «эксов». Такие экспроприации не дезорганизуют буржуазию, не освещают сущность пролетариату; они только мешают правильно разбираться, создают путаницу в головах бессознательной массы, и, если это совершают «анархисты», то только на руку буржуазии и демократии, которые спешат облить нас грязью и на тыся-

*) Говоря о жестокости, я исключаю нападения безработных, которые идут на экспроприацию (а чаще всего на виселицу) рискуя своей жизнью, чтоб избежать голодной смерти...

чу ладов призывают земные и небесные силы на борьбу с «анархией». Отвергая мелкие нападения, у нас все-же остаются вопросы:

В какие формы должны вылиться экспроприации? В каких размерах и как должны распределяться экспроприированные суммы?

Наш ответ мы следующим образом формулируем:

1) Признавая казенные и частные экспроприации, совершаемые группами для партийных целей, мы считаем необходимым при строгой организованности экспроприировать крупные суммы, выбирать позиции, при которых было бы **МИНИМУМ** жертв, как с нашей, так и с другой стороны.

2) Экспроприированные деньги должны распределяться совместно с группой — всякое же индивидуальное распределение мы все-цело отвергаем.

ЗАЯВЛ. РЕД. КОЛЛ.

1—Всех высылающих деньги за книги и брошюры: "Умиравшее Общество", "Сочинения Бакунина", "Анархизм и Русская Революция" и "Как и за что большевики изгнали анархистов из России"—Ред. Колл. просит упомянуть за какие книги сколько денег высылается.

2—В № 28 ж. "Волны" в статье "Великий обман", имеющиеся инициалы автора "А. К." следует заменить на "М—нт".

3—В № 29 ж. "Волны" вкратце досадные опечатки: в статье "Письма о пережитом" на стр. 6 правая колонна, 2-ая строка сверху вместо написанного слова — "сплетнях" сле-

дует читать — "сплетениях".

"Памяти Льва Черного", в левой колонке после строки:

„Ты к обмызганной стенке спиной принял..." следует вписать строку:

"Кто узнает те думы, тот тяжкий вопрос."

4— Вскорем времени выйдет из печати Манифест Протеста Анархистов — Коммунистов Против Большевицкого Правительства". На русском, английском и украинском языках.

За всеми справками просим обращаться в Ред. Колл.